

Рассказы для души

Маруся Светлова

**Великая Женская
Любовь (сборник)**

«Маруся Светлова»

2015

УДК 159.9
ББК 88.37

Светлова М. Л.

Великая Женская Любовь (сборник) / М. Л. Светлова — «Маруся Светлова», 2015 — (Рассказы для души)

ISBN 978-5-904777-15-9

Книга о любви, о стремлении женщины любить. О желании осознать, как любовь приходит и уходит, куда исчезают те чувства, которые казались незыблемыми. О том – как сохранить любовь, сохранив при этом себя. Все эти вопросы и ответы на них – важны каждой женщине...

УДК 159.9

ББК 88.37

ISBN 978-5-904777-15-9

© Светлова М. Л., 2015
© Маруся Светлова, 2015

Содержание

Любовь – как свет и состояние	6
Любовь – как воздуха глоток	12
Иди и люби...	16
Последняя – любовь?	25
Я еще обязательно, обязательно полюблю!	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маруся Светлова

Великая Женская Любовь

© Светлова М., 2015

* * *

Любовь – как свет и состояние

...Она всегда была уверена, что без любви жить с мужчиной нельзя. Как можно жить с мужчиной, если ты его не любишь? Может, кто-то так и делает, но вот она, Даша, так точно жить не сможет. Она была воспитана на романах, на классической литературе, – бабушка, которая в основном и занималась ее воспитанием, работала в библиотеке и частенько подсовывала внучке лучшие книги, в которых были высокие чувства, благородство, взаимная любовь.

И в мечтах о своей будущей семье виделась ей именно такая картина: рядом с ней будет вот такой – благородный, интеллигентный, культурный человек и дети их будут воспитаны так, как принято в идеальных семьях, в которых царят взаимоуважение, любовь, единство взглядов и интересов.

И будущий муж, когда они познакомились, казался ей именно таким человеком – был он студентом-старшекурсником, готовился стать инженером-строителем. И был он ей, первокурснице-филологу, интересен: строгий, серьезный, и специальность его казалась ей важной, нужной. Но как-то так быстро все у них закрутилось, что она свои идеальные картины на него и примерить не успела. Сами они не заметили, как стали жить вместе, а спустя полгода – пошли в ЗАГС, чтобы все узаконить. И поначалу счастье казалось ей безоблачным.

Но со временем – все лучше и лучше узнавала она своего мужа, придирчиво оценивая его поведение, слова, поступки. И все чаще убеждалась – не соответствует он ее идеалу: был он простоват что ли, не так умен, не теми интересами наполнен, как она себе в мечтах идеальных представляла.

И удивлялась она иногда сама себе: мечтала-мечтала, и вот на тебе – результат! Получила она в мужья не такого мужчину, о котором мечтала. И как его теперь такого любить? А если не любить – как жить вместе?..

И она еще придирчивей вглядывалась в него, раздраженная тем, что не соответствует он ее идеалу. Потом, с рождением сына, отвлеклась на материнские хлопоты и заботы – просто не до мужа ей было. Но, возвращаясь в обычную жизнь, не раз думала удрученно, что не чувствует любви к мужу. Не чувствует – и все тут.

Она бы и хотела любить его, но – не вызывал он в ней этого желания.

Бывал он то груб, то упрям, то излишне заносился в мужской какой-то гордости, мол – не учите его жить, он сам все знает. А чего он сам-то знает?! Если книг умных и полезных читать не хочет, ничем полезным не интересуется, а только и знает что работать да деньги зарабатывать – чего он знает?!? «Да и этого он толком не знает, – раздраженно думала она, – а это для мужика должно быть главным, иначе – какой он мужик?!»

И сколько раз пыталась она ему втолковать, что не такой уж он и умный, если не богатый, что все его знания – до одного места, если нет от них никакого толку в жизни, если не может он ни себе, ни семье своей нормальных условий создать, если тупо смотрит все спортивные каналы вместо того, чтобы сыном заняться: к зарядке его, например, приучить, или в бассейн водить, или в какой-то кружок, для мальчика подходящий.

Но где ему – после работы пива себе стакан нальет, телевизор включит, найдет футбол, или хоккей, или бокс, где два здоровенных мужика друг другу морды бьют, – и ничего ему больше не надо...

Каждый раз, когда она думала об ограниченности своего мужа (да и вообще – мужиков, все они такие; все ее подруги, сотрудницы на работе жаловались на одно и то же!) – она начинала раздражаться, иногда даже злиться, чувствуя какую-то обреченность: вот дал ей Бог такого мужа, так и будет она с ним до скончания века мучиться. Ни поговорить нормально, ни в театр сходить, ни книгу интересную обсудить.

В первые годы их супружества она еще пыталась его «окультурить» – то умные разговоры с ним заводила, обсуждая увиденный фильм, то книгу ему какую-то подсовывала. Нравилось ей читать всякую интересную литературу – эзотерическую, объясняющую смысл жизни, предназначение человека, связь с Высшими Силами. Увлекалась она психологией, всегда ей было интересно, как люди живут, почему так живут. И мужа своего пыталась она заинтересовать этим, но другие у него были интересы.

– Чего языком болтать, – оборвал он ее, когда она после просмотра какого-то душевного фильма хотела обменяться впечатлениями, обсудить поведение главного героя. – И так все понятно...

И она рассердилась, завелась – чего ему понятно?..

– Вот и поделись тем, что тебе понятно, – мне же интересно... Я вот считаю, что главный герой мог совсем по-другому поступить, и вообще – фильм мог закончиться более оптимистически... – пыталась она втянуть его в разговор.

Но муж – только поморщился от ее слов и из комнаты вышел. И всегда потом вот так от «болтовни» уходил, тем самым показывая, что говорить ему с ней не о чем.

И ее попытки приобщить его к культуре закончились, как она сама считала, ничем. Крепким он оказался орешком. Хотя в студенческую пору казался он ей покладистым, рассудительным. Только оказалось – другой была его рассудительность, не такая, как у нее.

Так они и жили, все сильнее и сильнее отдаляясь друг от друга, – она в своих интересах, в своих телепередачах, в своих книгах, общаясь со своими подругами, пребывая в их жизнях, которыми те с ней охотно делились. Муж жил своей жизнью, в которую она и рада была бы войти, да не очень-то он ее туда впускал.

Она сама не заметила того момента, когда муж стал как-то отстраняться, закрываться от нее. Но, не смиряясь с его, как ей казалось, тупостью и ограниченностью, она все пыталась объяснить ему, что он такой – неразвитый и не стремящийся к развитию – не очень-то и хорош. И как оса, зудела, напоминала:

– Прочти! Прочти – толковая же книга!..

И книгу эту то в сумку его подкладывала, когда он в командировку уезжал (ведь есть же время читать – в поезде сутки ехать!), то на кровать ему клала – ведь читает же перед сном дрянь всякую: детективы, книжонки про бандитские разборки.

Но книги, которые она ему подсовывала, так и оставались нераскрытыми, даже страницы их не помялись, и с каждой новой такой ее попыткой его «очеловечить» и «окультурить» – он все больше замыкался, пока однажды не сорвался, грубо сказав:

– Да пошла ты... Тоже мне культурная нашлась... Ищи себе другого, если я тебя не устраиваю. Тоже мне интеллигентка вшивая...

И она обиделась тогда до слез и плакала, уткнувшись в подушку. А он, хлопнув дверью, ушел. Вернулся с пивом и переключил телевизор – погромче! – на спортивный канал и сидел, попивая пиво, демонстративно громко стуча стаканом по полированному столу, чтобы ей что-то свое, «мужское», доказать.

А она, уже без слез, лежала, глядя в потолок, и думала горько: как же так, за что же ей это и как ей с ним таким – непонимающим, тупым, темным – жить? Как ей его – такого – любить? А без любви как может она жить?!

...День был обычным и вроде – необычным. То ли снилось ей что-то хорошее, то ли просто настроение было такое, но всё вокруг ей сегодня нравилось, вызывало принятие и весь день сложился легко, удачно.

«Всегда бы так, – думала она, возвращаясь домой, – каждый бы день так проживать...» И входя в метро, почувствовала, что даже толпы людей ее не раздражали, как это было всегда. Просто спешат люди домой, как и она.

И она, в тихом этом хорошем состоянии, спускалась по эскалатору – смотрела на людей, поднимающихся на эскалаторе, и разглядывала проплывающие перед ней разные лица. Разные, разные лица... И вдруг – «разность» как бы проявилась, стала заметней...

И она, словно впервые, увидела эту «разность» лиц: округлые и продолговатые, с крупными или мелкими чертами, с разными носами, губами... С разным разрезом глаз, разными щеками, веками, линией подбородка и шириной лба...

Лица, даже не люди, – так она видела сейчас, – проезжали мимо нее. И каждое – другое, особенное, не похожее на остальные... И она подумала удивленно, словно впервые это разглядела: «Какие же они все разные!..»

И опять, уже как исследователь, с интересом наблюдала, оценивала – какие они, чем отличается лицо одного человека от другого. И многовариантность эта была удивительной. И она опять подумала: «Да, вроде все – люди, а такие разные...»

И опять смотрела с интересом.

И каждое лицо она воспринимала как нечто отдельное, главное в человеке. И движение по эскалатору людей, смена одного человека другим – была похожа на мелькание лиц: объемных, фактурных, с разными светотенями в зависимости от конституции лица, с разным загагом, яркими пятнами косметики на лицах женщин.

И она даже пожалела, что эскалаторы быстро движутся навстречу друг другу и что она не может остановить этот поток, это движение, – а так хотелось остановиться и рассмотреть каждого. И так задело ее это почему-то, так тронула общность людей с их удивительной непохожестью – словно что-то важное-важное было в этом ее новом видении.

И она поняла вдруг: все эти люди, временно объединенные общей целью – поднятием на поверхность, плотно стоя плечом к плечу друг с другом, – представляли человеческую общность со всей ее удивительной многогранной уникальностью.

И сойдя с эскалатора, пораженная этими чувствами, мыслями, она продолжала рассматривать людей, стоящих на платформе, а войдя в вагон – людей, находящихся в вагоне.

И уже рассматривала не только лица – всего человека, какой он есть в его индивидуальности. И смотрела на сидящих перед ней людей.

Старушка с мягким морщинистым лицом, в вязаной шапочке, старенькой, не раз уже стиранной, с провисшими полями.

Пожилой человек с седыми висками в бейсболке (которую ему подарил, наверное, внук), смотрящий прямо перед собой и старающийся прямо держать спину.

Подросток, со старательно уложенными волосами, пушком над припухшими губами, поглядывающий на себя в зеркальное отражение двери.

Девушка в сером свитере и ярких брюках, со смелой прической: вызывающей стрижкой и отливающими синевой волосами.

Женщина в парике, с яркой косметикой и ненакрашенными бровями. «Торопилась, наверное, не успела или забыла», – подумала Даша.

Мужчина с желтоватым лицом, небритый, с глубоким взглядом карих глаз, в наушниках, погруженный в музыку.

И что-то вдруг случилось с ней, словно осознание этой «разности» и этой общности всех людей на этой планете открыло в ней сердце и – сопереживание? сочувствие? благодарность? Она сама не понимала себя – и не хотела понимать. Она просто чувствовала: вокруг нее – люди, часть общего человечества. Человеческая общность, в которой она была одной из Целого, такого разного – но Целого. Все эти люди – ее сопланетники, другие, не такие, как она, но тоже часть общего Целого.

«Родные вы мои», – вдруг подумала она. Подумала с волнением, светло, отчего глаза ее увлажнились.

И все люди, сидящие в вагоне, словно светом ее освещенные, стали видны ярче, четче. В каждом – появилась, проявилась его индивидуальность, какое-то отличие, и вместе с тем – общность. Все они – люди, находящиеся с ней в этот момент, в этот день, в этом вагоне, – были содержанием ее жизни, частью ее жизни, полной этой сиюминутной, захлестнувшей ее любви.

Старушка с печальными глазами, спрятанными глубоко-глубоко под веками – тяжелыми, в морщинах и морщинках. И глаза эти, и веки эти старой женщины она увидела будто бы в другом свете – так выглядит старость, такой и она станет когда-то, когда придет время. И это тоже будет благодать, данность, часть ее жизни, ее сценария. И она с любовью смотрела на старую эту женщину, какой она когда-то будет, и улыбалась – просто, смиренно.

Юноша и девушка, смуглые, черноволосые, с раскосыми черными глазами – узбеки? таджики? – взявшиеся за руки, испуганными взглядами встречающие входящих людей и проносящиеся мимо станции – страшно, наверное, в таком большом и незнакомом городе. И ей захотелось поддержать их, успокоить – и она им кивнула: мол, все хорошо...

Девочка с прямыми пшеничными волосами, падающими ровным потоком, сосредоточенно читающая журнал, яркий, глянцевый. И девушка эта – юная, желающая стать модной, взрослой, – вызывала слезы сочувствия, понимания: что принесет в ее жизнь эта желаемая взрослость.

И когда Даша поднялась наверх и вышла в город – в яркий солнечный день, в мир людей, которые шли мимо нее, обтекали ее, глядя или не глядя на нее, – она была другой, словно вошла в метро одна Даша, а вышла – другая. Словно здесь, наверху, стал вдруг понятен ей весь этот мир, в котором прожила она сегодняшний удивительный день, в котором открылась ей вся картина ее жизни.

И стояла она и смотрела на полноценную эту яркую, многообразную картинку своей жизни, сегодняшнего ее дня.

Были на этой картинке выщербленные плитки тротуара, по которым ходили люди, и стали они потому и выщерблены, что служили людям долго, терпеливо.

И лавочка, выкрашенная синей краской, уже облупившейся от частого сидения на ней, – была частью этой новой яркой картинки.

И дерево у дороги с отросшими после стрижки ветвями, с едва намеченными зелеными почками, каждая из которых была настоящим чудом – из нее скоро появится лист, из нее появится жизнь, и все это дерево станет живым, густым, красивым, дарящим тень.

И лужа на тротуаре, не впитавшем воду после дождя, показалась ей вдруг необыкновенно красивой – неровной формы, с глянцевой корочкой влажной земли по краям, с зеркальной гладью воды. Как будто маленькое черное зеркало положили на землю – и отражалось в нем, маленьком, неровном, – огромное высокое небо с меняющимися на нем облаками.

И вдруг, как будто слух у нее прорезался, – стала она ярче, четче слышать звуки: резкий гудок автомобиля, шум шин отъезжающего троллейбуса, чей-то смех, голоса, голоса, голоса, звонок телефона, детский плач... Это был мир, это была жизнь, ее жизнь, жизнь этой минуты, в которой был этот день, эта остановка, эти люди, это дерево, эта лужа. Это был благословенный день ее жизни, полный любви. И взгляд ее, полный любви, как будто заливал весь этот день и все, что было в нем, – любовью. Все казалось ей другим – светлым, хорошим, благодатным. И она сама была такой – светлой, особенной. И стояла она такая – в снующей, спешащей толпе людей – как светом залитая.

И мужчина, проходящий мимо, замедлил шаг, глядя на нее, стоящую со светлым лицом посреди людской суеты.

Мальчик на руках у мамы, молодой женщины, проходящей в этот момент мимо нее, с пухлыми щечками, в панамке с маленьким золотым якорьком, как маленький моряк, – повернулся к ней, Даше, и смотрел на нее, удаляясь. И в глазах его был вопрос, удивление – к ней, к

миру, в котором он жил еще так недолго. И все вокруг его интересовало, и тетя эта незнакомая, стоящая среди спешащих, суетливых людей, – тоже была интересна.

И пока ехала она домой в троллейбусе, видела в окне эту ее – полную любви жизнь. Людей – таких, какие они есть: спокойных или нервно разговаривающих, медлительных или спешащих, смотрящих друг другу глубоко в глаза с любовью или с ненавистью.

Разные виды своей жизни: прямоугольные дома – пристанище людей, деревья – чахлые и мощные, светофоры и перекрестки, а выше – небо, небеса необъятной высоты, окутывающие всю ее планету, облака, плывущие вокруг ее планеты, на которой она проживала этот день ее жизни – день, полный какого-то нового отношения, светлый день ее жизни.

...Она поднималась в квартиру по знакомым и в то же время незнакомым ступеням ее дома. Каждая щербинка их была ей знакома – и нова. Угол двери, поцарапанный когда-то ее сыном, выбоина в стене, оставленная его санками – всегда он упрямо и сильно втыкал их в стену. За дверью был ее дом. Дом, который она сейчас как никогда ощутила домом – местом ее жизни, местом жизни ее семьи, близких ее людей.

Именно сейчас она вдруг очень ярко почувствовала их близость – пережив близость стольких чужих людей, живших сегодня в ее жизни.

И эти два человека – муж и сын – были особенно, по-настоящему, близки. Маленький сын – главный человек в ее жизни с его капризами и непослушанием, живостью, казался ей сейчас волшебным существом.

Муж, выбранный ею когда-то, живущий в ее жизни, увиделся вдруг – мужем, человеком, который был, есть и будет в ее жизни. Мужчиной – таким, какой он есть: другим, свободным быть другим.

И входя в светлый свой дом, который сейчас как будто действительно был полон света, исходившего от нее, она вдруг по-другому увидела и стены, и мебель, и чайник на кухне, выбранный когда-то ею из-за цвета – оранжевый, теплый. И она погладила его рукой, словно ощутив его цвет и тепло.

Это был ее дом. Ее семья. И когда муж вышел на кухню, она повернула к нему лицо все с тем же выражением принятия, впитывания, любования и как будто еще осветилась, радуясь ему.

И он – остановился, как будто лицо это с проявленной в нем любовью удивило и остановило его.

А она – просто смотрела на него, как смотрела недавно на лужу с глянцевыми краями, на дерево с живыми почками. И потом – сделала шаг к нему, обняла его, принимая в свои объятия так, как только может принимать любящая женщина своего любимого мужчину.

И он, оплетенный ее руками так неожиданно для него, напряженный в первое мгновение, откликнулся своим объятием – забытым, родным, – как обнимал ее раньше.

Они стояли в тишине, как будто не в силах расстаться, как будто истосковались по таким объятиям. Потом она отвела лицо, посмотрела глубоко в его глаза, улыбнулась, и сказала:

– Привет!

И он, помедлив мгновение, ответил:

– Привет!

И было это приветствие друг другу как будто знакомством их новым, в котором они были другими, новыми. И она провела рукой по его голове, ласково, как давно не проводила, и, отступив на шаг, посмотрела на него с улыбкой. И опять – такую любовь, полную, большую испытала к нему, что опять шагнула ему навстречу со всей своей любовью и обняла, оплела его руками. И шепнула:

– Я люблю тебя. Просто люблю...

И добавила:

– Очень.

И сын, глазастый Мишка, вбежавший в кухню, глаза свои еще шире открыл – не видел он еще таких родительских объятий.

И она привлекла в эти объятия его, и он с готовностью обнял и маму и папу и, оплетенный их руками, стоял, задрав голову, с довольной мордочкой и смотрел снизу вверх на своих родителей, таких, каких никогда не видел...

Свет абажура был теплым, мягким, как весь этот вечер – мягкий, душевный, в семье – настоящей, дружной, какой и должна быть настоящая семья, о которой она когда-то мечтала.

– Даш, я прилягу, почитать хочу, – сказал муж и, уходя, замешкался у двери.

И она, заметив, как нерешительно стоит он в дверном проеме, подняла к нему лицо – с вопросом.

– Я... – замялся он, – я книгу хотел полистать... Ту, что ты давала...

И она ответила приветливо:

– Там на полке стоят книги – выбери сам, какая тебе интереснее...

И улыбнулась.

И, пока посуду мыла, думала она – о дне сегодняшнем, о муже своем, о том, как легко, оказывается, с человеком жить, когда любишь его, такого, какой он есть. Когда просто любишь, не ставя условий, не требуя соответствия выдуманному тобой идеалам.

Что любовь, оказывается, – это не отношение к человеку, основанное на его поступках или его личности.

Думала, что любовь – это просто состояние. И в первую очередь – именно твое собственное состояние. И когда есть оно, это внутреннее состояние любви, – все вокруг тебя в любви находятся и, освещенные этой любовью, – сами хотят быть светлыми и с готовностью к свету идут, куда ты их волоком тащила, с нелюбовью своей.

И усмехнулась она этому открывшемуся пониманию и подумала:

– Все хорошо... Завтра будет новый день, моей любовью наполненный... И вздохнула легко, подумав: «Теперь – все будет хорошо...»

Любовь – как воздуха глоток

Он не позвонил, и она, сидя у телефона, в который раз подумала: позвонить ему, не позвонить?

И этот застывший в ней вопрос и ее собственная нерешительность вызвали в ней какое-то раздражение, даже злость – большую, чем он сам, который обещал позвонить и не позвонил. А может, и не обещал... И она опять, в который раз за время их отношений, стала вспоминать, как он уходил, что говорил, ища подтверждение своим ожиданиям. И она вспомнила, как, уходя, он осмотрел ее комнату – не забыл ли чего. И показалось ей – не собирается он сюда возвращаться, потому так и смотрит.

– Я позвоню, – сказал он ей.

И вспомнив эти слова, она вздохнула с облегчением, но тут же вернулась в реальность: он не позвонил. И она, глядя на телефон, продолжала сидеть в сомнениях: звонить ему, не звонить? Так было уже не раз – он словно забывал о ней, уходя в свою жизнь, в которой она не занимала главного места. Да и второстепенного тоже.

И она знала об этом, но... Что-то собачье было в ее любви, так она сама не раз думала: «Бегаю за ним, как собака...»

С собачьей преданностью смотрела она в его глаза, ловя в них желание. Она стремилась опередить его просьбы, «служила» ему – даже тапочки на ноги обувала, чтобы удобнее ему было, – и всегда поправляла при этом задник тапочка.

И когда уходил он от нее после их редких встреч – она поправляла, оглаживала воротник сорочки, проводила рукой по рукаву пиджака – снимая невидимые пылинки.

Так было давно. Казалось ей – так было всегда: сдержанность его, редкие их встречи, недовольство, если спрашивала она – когда они снова увидятся...

Раньше, в начале отношений, она даже осмеливалась спросить: когда же они будут вместе по-настоящему. Но – после нескольких его уходов, демонстративных, холодных, поняла, что спрашивать об этом не надо, нельзя. Он сердится, он может уйти, она может его потерять – а как она может быть без него, когда он – все, что у нее есть? Когда встречи эти, пусть редкие, пусть и холодновато отстраненные с его стороны, – как воздуха глоток... Именно это она ощущала: что его пребывание с ней – как воздуха глоток. Как будто и не жила она без него, задыхаясь без воздуха, а тут – хоть подышать...

И она дышала им и надышаться не могла. Дышала в прямом смысле слова – уткнувшись в его подмышку или вдыхая запах его волос, тела – знакомый запах его одеколona. Вдыхала запах его рубашки, вешая ее на спинку стула. Вдыхала запах его подушки, – спала, обняв подушку, как его самого.

И как-то незаметно он, его запах, присутствие, атмосфера его присутствия даже после его ухода – стали для нее всем, заменили для нее все. И он стал всем, заменив собой всю ее жизнь.

В детстве мечтала она о большой любви, о семье – большой, чтобы, как говорится, семеро по лавкам. Мама, которая была посвящена в ее мечты, – только удивлялась, головой качала и говорила:

– И откуда это в тебе? Ни у кого в нашем роду больших семей не было, рожают по одному-два ребенка, и все. А тебе – колхоз подавай...

Она и сама не могла ответить – откуда это в ней и почему она хочет, чтобы было у нее – пять, семь детей... Но сердцем чувствовала – именно так у нее и должно быть: большая семья, любящий муж. И себя на этой картинке видела она такой вот домашней, любящей – мамой, женой, хозяйкой. Видела она себя в светлом доме, где царят порядок и чистота, где каждому члену семьи – живется хорошо, в уюте и безопасности. И где за большим столом – мал мала меньше...

Но он – не хотел детей. Зачем они ему – когда у его бывшей жены от него уже есть двое сыновей.

– Как родитель я состоялся, – кратко отвечал он, когда она в начале их отношений заводила разговоры о детях.

– Но я не состоялась, – сказала она ему однажды.

Сказала смело, как чувствовала – и это было необычно для нее: всегда она была с ним согласна, покладиста. Давно поняла она – только так и можно было его удержать в отношениях, которые он не ценил, которыми не дорожил, которые не боялся потерять.

– Я тебе в этом не помощник, – жестко ответил он и отвернулся – демонстративно, как делал всегда, когда ему что-то не нравилось. И она замолчала и испугалась и обиделась одновременно на грубый этот ответ, на незаботу о ней. Но испуг ее был все же сильнее обиды. Страх потерять любимого заставил ее подойти, обнять и, потершись головой о его плечо, сказать примирительно:

– Ну, не сердись... Я понимаю, что тебе это не нужно, но и ты пойми...

И он резко руки ее скинул и сказал, не глядя в глаза:

– Разговор на эту тему закончен. Мне никаких детей не надо. Хочешь – рожай, только не от меня...

И она – опять замолчала. Что тут можно сказать, когда рожать она хотела для него, от него, и только от него...

И умом понимая всю обреченность этих отношений, в которых она любила его, а он позволял любить, она все равно хотела быть с ним, жить с ним, рожать от него детей – всех, сколько получится. А ему – и один был не нужен. И сердцем она чувствовала глубокую пропасть между ними, пропасть, которая никуда не исчезала, – между ее любовью и его нелюбовью. И она понимала, что так будет всегда. Такой он человек – ни в ком не нуждается, ни от кого не зависит, но и любить, наверное, не умеет. Но именно такого она его и любила, понимая всю обреченность своей любви.

Но хоть понимать она все и понимала, расстаться с ним не было сил. Он был всем для нее. С ним, в его присутствии она словно оживала, наполнялась энергией... С ним она жила, дышала полной грудью. Без него, казалось, и воздух в комнате становился колючим, и дыхания не хватало – да и зачем было жить, дышать?!

И она ждала, когда он снова придет, чтобы подышать, надышаться им, и становилась она рядом с ним какой-то другой: живой, страстной, словно присутствие его действительно вдыхало в нее жизнь. А без него – что за жизнь без него?..

...Впереди было два выходных дня без него – не любил он встречаться с ней в выходные, быстро положил конец таким встречам.

– Я найду выходным дням более достойное применение, чем в постели кувыркаться и брюхо набивать, – сказал он ей однажды в первые недели знакомства, сидя на кухне, пресытившись ее ласками, вкусной едой, для него приготовленной. Так он ответил на вопрос – проведут ли они вместе выходные. И ответ этот был грубый, унижающий, словно она, ее забота, нежность, вкусная еда – было чем-то недостойным его внимания. И слова эти вызвали обиду, желание возмутиться несправедливым его отношением к ней. Но она подавила в себе это желание, списав все на его усталость, на мужскую резкость: мол, это у него так просто прозвучало, это ничего не значит...

Но он был честен с ней. Он действительно всегда находил выходным более достойное применение. Оставался дома, уезжал с друзьями на рыбалку, ездил к родителям – занимался разными делами и никогда не звал ее с собой, словно не было там для нее места. И она это тоже приняла. Только выходные теперь очень не любила, словно они были виноваты в том, что она оставалась одна, задыхаясь без него в своем одиночестве. И хоть и тяжело переживала она эти дни – она редко выходила из дома: какой смысл куда-то ехать, ведь его там нет.

Но в этот раз, увлеченная рассказом подруги, Марины, об осеннем лесе, о грибах, которыми полон лес, поддавшись она на уговоры и поехала с ней в деревню, на дачу, ранней электричкой, в которой сонные грибники с пустыми еще корзинами заполнили весь вагон. И, выйдя на станции далеко от города, она вдохнула глубоко насыщенный запах леса, хвои, сырой травы – и вдруг забеспокоилась внутренне, словно что-то начало с ней происходить новое, волнующее.

И чувство это еще больше усилилось, когда, войдя в дом подруги – старый бревенчатый сруб, – она распахнула окна и свежий лесной воздух стал заполнять дом, словно смывая застоявшийся запах. И она опять – вдыхала и выдыхала этот свежий воздух, словно тоже хотела смыть, убрать все застоявшееся в ней.

И когда после скорого завтрака отправились они с подругой за грибами в лес, раскинувшийся прямо за калиткой, она только и делала что дышала, дышала – и надыхаться не могла. Таким вкусным был запах леса, таким разным – в потоке соснового аромата чувствовались терпкие нотки каких-то растений, тонкий запах земли, влажной коры и мха.

И она вдыхала эту удивительную, живительную смесь. Выдыхала глубоко еще и еще – глубже, словно хотела набрать ее – про запас. И так хорошо это было, что она легла прямо на мох, найдя небольшую полянку между высокими папоротниками, легла, глядя на высоко уходящие в небо кроны сосен, – и лежала, просто лежала – смотрела и дышала... Дышала сырым этим, свежим, наполненным лесом запахом. И странно это было: вот так просто лежать, дышать и чувствовать себя наполненной, живой – частью этого леса, словно она сама – куст папоротника или сосна. И подумала о нем – как давно его не было, как давно они не были вместе, – и почему-то не испытала обычных своих чувств – томления, жажды, что ли. Ну, не было его и не было.

– Придет, когда сможет, – с горечью подумала она и тут же прогнала эту мысль – не до него было.

Она – дышала. Дышала полной грудью. Дышала глубоко, сильно, свободно, и самой странно показалось, что можно и без него – жить, дышать и быть радостной, и спокойной, и наполненной, живой. Не им наполненной, а наполненной лесом, свежим его воздухом, красотой.

И так было велико это ощущение собственной наполненности – несмотря на его отсутствие, – что она чувствовала: это и есть самое главное в жизни. Она чувствовала, что нашла нечто очень важное, придя сюда, в лес, за грибами. «Какие грибы? – подумала она с улыбкой, – тут не до грибов... Тут – такое...»

И продолжала дышать...

Потом, вернувшись в дом, дышала она у камина. Выдыхала запах горящих дров, смотрела играющие пламенем угольки... И опять – надыхаться не могла...

А потом они с Мариной пошли к Наталье, двоюродной Маринкиной сестре, которая в этой деревне жила. И проходя сквозь заросшую высокой и густой травой тропинку – она опять дышала травами. Проходя мимо малинника – дышала запахом малиновых листьев. И все удивлялась – каким разным может быть воздух...

А в гостях неожиданно для нее – совсем другие запахи ворвались в ее легкие: дом был наполнен ароматом присутствия грудного ребенка, и она, словно запахи эти были каким-то заповедным подарком, даром – стояла на пороге и вдыхала. Выдыхала воздух, пахнувший молоком, присыпкой, детским кремом – и маленьким ребенком. И малышка – семимесячная дочь Натальи, с доверчивостью, которая свойственна только маленьким детям, пошла к ней на руки, и она приняла ее как бесценный дар и весь вечер с рук ее не спускала, вдыхая детский аромат, наслаждаясь даже запахом влажных пеленок.

И когда малышка уснула – она стояла у ее кровати. Стояла, стараясь дышать тихо, чтобы ребенка не разбудить, и вдыхала запах этот – детский, чистый, наполненный молочком и присыпкой, и, казалось, вдыхает она в себя не запах ребенка этого маленького – а запах будущего

своего возможного материнства, которое должно быть, обязательно будет, о котором она имеет право мечтать, хотеть и творить его.

И она села на пол у кровати малышки и сидела там тихо, чуть дыша, и представляла себе, как будет сидеть у кровати своего ребенка, смотреть, как ровно, спокойно дышит ее малыш, как будет вдыхать его – родной-родной запах, запах своего ребенка. И не будет для нее прекраснее запаха.

И словно бы заново, впервые почувствовала остро, как сильно хочет она этого – родить ребенка, быть мамой, чувствовать близость эту со своим малышом, кормить его грудью, ощущая, как напивается ребенок ее молоком, укачивать, чувствуя маленькое родное тельце его, укладывать спать в кровать, поглаживая его спинку или животик, видеть, как закрываются его глазки, впадая в дрему... И поняла вдруг ясно, словно впервые признаваясь себе в этом: если мужчина не хочет ребенка и ей запрещает – это неправильно. Это все равно что запретить ей дышать. Все равно что запретить ей жить. А она – живая, дышащая, и ей этого никто запретить не может...

...Она ехала в электричке домой и опять – дышала лесом, запахом дыма, заносившимся в открытое окно. Она вдыхала запах людей, входящих в вагон, дышала глубоко и думала: любовь становится глотком воздуха – когда ты ничем больше не дышишь, не живешь, забыв о жизни и самой себе. Когда не выходишь из дома, чтобы вдохнуть запах осени, дождя, сырой земли, влажных деревьев – или запах снега, мороза, холодный воздух зимы. Когда не идешь в театр – и не вдыхаешь запах театрального зала, сцены, запах духов нарядных женщин, запах кофе в театральном буфете. Когда не идешь в бассейн – и не вдыхаешь влажный, особенный запах хлорированной воды бассейна. Когда не живешь, а только ждешь жизни, которая вся заключена в одном человеке, – а этот человек не любит тебя и уже потому – не стоит твоей любви. И так ясно было ей в это мгновение: не нужна ей такая любовь, которая дышать не дает и всю жизнь ее забирает, подминая под себя.

И подумала она впервые: любовь – это поток. Поток света, свежего воздуха, жизни. Ее любовь такой не была. И значит – не нужна ей такая любовь...

И подумала с легкой, даже не печальной, горечью: когда живешь, не замечая жизни, без любви, – любовь к мужчине становится как воздуха глоток... Но если ты живешь, любишь – день этот, дерево у окна, лист, падающий на подоконник, свою старенькую теплую кофточку, подругу, малышку ее, свою работу, коллег, свой дом, обои, поклеенные своими руками, любимую чашку, вкусный чай – любовь копится, накапливается, наполняет тебя всю – и ты уже полна, ты дышишь ею, ты выпускаешь ее, выбирая, кого осчастливить ею. И не соглашаешься на жалкий глоток, который тебе предлагают...

И подумала, что она больше не согласна урывками дышать запахом жизни другого человека. Перед ней – вся жизнь, в многообразии ее запахов. Ей есть чем дышать...

И в мыслях этих шла она домой и дышала, дышала, дышала, ощутив вдруг – как дышит она жизнью, любовью к ней, ощутив, что все пространство, в котором живет она, – уже проникнуто, наполнено ею. Ощутив, что каждый вдох ее – не воздуха, а любви глоток...

И такой живой и сильной себя почувствовала, как никогда.

«Да будет так!» – подумала она и еще раз глубоко вдохнула...

Иди и люби...

– Я тоскую по нему, Катя, – проговорила мать и посмотрела на нее таким взглядом, в котором вся эта тоска рвалась наружу.

– Я тоскую по нему... Я не могу жить без него. Я без него – как потерянная, как будто не стало чего-то во мне важного, без чего жить – не нужно...

Она произнесла эти слова тихо, глухо, но дочери показалось, что прозвучали они громко, грозно.

– Ну ты чего, мам? Ну что ты в самом деле? Жить нужно независимо от того – рядом он или не рядом... Он там, высоко, над тобой – за тобой наблюдает, тебя любит, хочет, чтобы ты тут, без него, счастливая была... – дочь произнесла это с интонацией, которой с детьми говорят, успокаивая их. И хоть говорила она это уже не в первый раз, мать, как ребенок, несогласно качнув головой, сказала упрямо:

– Он мне здесь нужен. Я хочу, чтобы он был... Чтобы – как раньше...

– Ну ты точно как дитя! – всплеснула руками дочь. – Ты можешь этого хотеть сколько угодно, но его нет, мам... Его тут нет и не будет, и пора к этому привыкнуть и жить дальше...

Она замолчала, просто не зная, что еще сказать.

– Я утром в чайник хотела воды набрать, а воды в ведре нет – ну я ему и крикнула: «Миш, воды принеси...» И, знаешь, не сразу и поняла, что кричу-то ему, которого уже нет... Но всегда он воду приносил, меня ругал, если сама несла – ведро с водой тяжелое... Вот я по привычке и попросила... Ты знаешь, дочь, как странно это понимать – только сейчас, когда человек ушел, навсегда ушел, – как много он значил для меня, как много он делал, как от всего оберегал... Я теперь будто прозрела: начала видеть то, что раньше не видела... Нож тупой поточить надо – я поворачиваюсь, чтобы ему отдать. Штору поправить надо – я табурет ставлю, чтобы ему удобно было достать. Трава вон по всему огороду полезла – думаю, Миша прополет, у него это хорошо получается. Ветка у березы за двором сломалась – Миша отпилит... А выходит – и не отпилит он, и не прополет... Теперь – все я, сама...

– Мам, ну ты не переживай, я тебе помогу, Андрея пришлю, он чего надо отпилит, мужик ведь, какой-никакой, – сказала она с грустной усмешкой, – не чета твоему Михаилу Васильевичу, но все ж...

– Нет, детка, ты пойми, – не это грустно или страшно, что одна я осталась и все теперь на мои плечи ложится. Страшно мне, и грустно, и стыдно, что – вот ушел человек, навсегда ушел, и только сейчас я понимать начала, кем он для меня был, сколько делал, как меня любил, как обо мне заботился...

– Ну, то, что он тебя любил и заботился о тебе, – это всем было известно. Хороший он был мужчина, всем мужикам мужик. И к тебе относился очень хорошо.

– То-то и оно, Катя, что и любил он меня, и заботился обо мне, и относился хорошо, и тяжелое носить не давал, и сумки из рук вырывал, и укутывал меня одеялом, когда я спать ложилась. И... – она заплакала, громко, навзрыд, и, плача, продолжала с отчаянием: – И я все это видела, и понимала, и принимала как данность, и не ценила, слышишь, Катя – не ценила... А теперь – ценю, каждый день вижу, ценю и ужасаюсь тому – как не ценила, как в ответ – не любила, как не успела любить – и уже никогда не отлюблю. Никогда! Никогда! – сказала она отчаянно и головой замотала, опять плача навзрыд.

И дочь – молчала, сидя рядом. Молча смотрела, как мать плачет, не в силах ей помочь. Потом тихо, осторожно по голове ее погладила:

– Мам, ну мам... Ну не убивайся ты так... Ну что ты напридумывала: не любила, не успела... Любила ты его, мы же знали. Это же видно было, как вы друг друга любили. Не зря же все за вас так радовались, что у вас, уже зрелых людей, – такая любовь. А я как радова-

лась, когда ты Михаила Васильевича встретила, – говорила она опять ободряюще, как с детьми говорят, когда успокоить их хотят. – Ты семь лет после смерти папы одна жила... А тут – такой человек хороший встретился, тебя полюбил, ты его полюбила. Ведь все у вас было хорошо...

– Хорошо, да нехорошо – вот как оказалось, дочка. Только сейчас я это поняла... – Она помолчала и добавила, уже спокойнее: – Я папу твоего очень любила, только знаешь, он человек был сложный, холодный, весь в работе, без всяких, как он говорил, телячьих нежностей.

Дочь понимающе кивнула – на себе она ощутила отцовскую сдержанность.

– А Миша когда появился – этим меня и покорила: отношением своим, заботой. Я, знаешь, с ним иногда себя маленькой девочкой чувствовала, как с папой, который тебя любит и защищает, и все за тебя решает, и бережет тебя, и холит, и любит тебя, девочкой своей. Он так и звал меня, Миша, – «девочка моя»...

– Да, – улыбнулась дочь, – он так и говорил тебе: «Девочка моя – ты не замерзла? Девочка моя, тебе подушку под спинку подложить?..» – как маленькой. Он тебя действительно очень любил, а ты – его...

– Да в том-то все и дело, что нет! – почти закричала мать. – Я его любила, Катя, очень любила, но только сейчас понимаю – как мало я его любила! Только сейчас поздно уже понимать, что любовь – это не чувства, не эмоции, – это слова, взгляды, поступки, действия. Это – проявления, это – выпускание, это – отдавание! Любовь – это живое вещество, которое можно отчетливо увидеть, ощутить – как я от него чувствовала постоянно: через заботу его, через подушку эту, которая всегда вовремя появлялась, через чашку с водой, когда пить хотелось, через объятия его, прикосновения, на которые он был щедр, а я – скупа... Я – скупа была, Катя, – сейчас это понимаю. Я была жадной. Я ему любить себя позволяла и любовь его принимала как должное. А в ответ – капли любви ему давала, капли... Там – улыбнусь, там – поглажу, там – «спасибо» скажу. Не то что он... – произнесла она горько. – Он – любил. А я – полюбивала...

Дочь молчала, потрясенная всей материнской речью. А мать сказала неожиданно:

– Ты, детка, иди – и люби своего мужа!.. Вот сейчас – иди и люби! Люби такого, какой есть. Иди и люби, сейчас, пока живой он. Иди и люби – пока не поздно...

Сказала – и пошла на кухню, резко прервав разговор.

И дочь, постояв мгновение, сумку взяла, в зеркало глянула на лицо свое растерянное. Крикнула слабо:

– Мам, ну я пошла... – и, почувствовав, что не надо ей ждать ответа, пошла домой.

Весь путь до дома фраза эта: «Иди и люби...» звучала в ней.

– Иди и люби... – отдавалось в ней стуком собственных шагов.

– Иди и люби... – слышала она в ритме движения электрички.

– Иди и люби... Иди и люби... – отсчитывала она ступеньки, поднимаясь к себе домой.

И только когда она зашла в дом, попала в привычную атмосферу, слова эти ушли, уступив место другим мыслям – как страдает мама оттого, что исчез из ее жизни Михаил Васильевич. И ее от этого уберечь хочет, чтобы не сожалела она, что опоздала, что не отлюбила...

Но разве к ней это относится? Разве относится это к их отношениям?

И, пока она хозяйничала на кухне, мыла посуду, оставленную в раковине после завтрака, думала: что будет, если исчезнет он из ее жизни?

И, представив себе жизнь без Андрея, прислушалась к чувствам своим – что там? И ответила себе просто:

– Ничего не будет. Как жила я, так и буду жить. Потому что – что он есть, что его нет. Исчезнет он – и никто не будет меня покоя лишать. Никто не будет нервы мне мотать, зудеть, что дочь я не так воспитала, раз та посуду за собой не моет, одежду носит неправильную, а тем более с мужем разводится...

И головой покачала, усмехаясь: исчезнет он и будет у нее меньше хлопот – не надо будет чужую одежду собирать, книги на полках поправлять, станет меньше стирки, уборки и готовки.

И даже неловко ей как-то стало от таких мыслей: как же так, исчезнет человек из ее жизни, а она даже потери не почувствует, только облегчение? Ей, получается, и плакать по нему не придется, как мать по Михаилу Васильевичу слезы проливает.

– Это как же так?! – спросила она себя недоуменно. – Уйдет человек, а я и жалеть не буду, и тосковать не буду?

– Не буду, – упрямо ответила сама себе. И, словно оправдываясь, добавила: – Потому что такой человек! Такой он, Андрей, человек, что проку от него никакого, такого и потерять не жалко... – И, словно нехотя, подумала: – Не то что раньше... – И совсем уже словно против воли добавила: – Когда они любили друг друга...

И вспомнилось ей, как они, студенты, влюбленные друг в друга до помешательства, жить не могли друг без друга. Как он ждал ее у института и она, завидев его на той стороне улицы, мчалась, обгоняя прохожих, нетерпеливо переминалась, пропуская машины, чтобы кинуться ему в объятия и просто стоять, прижавшись к нему, Андрюшеньке ее любимому. А потом они шли по улице, обнявшись, – они только так и ходили тогда, чувствуя себя одним целым. Затем, со временем, стали ходить они, держась за руки, как дети. Потом, после свадьбы, как-то незаметно перестали они держаться за руки, лишь изредка она брала его под руку, потом – вообще стали ходить они рядом, как два отстраненных друг от друга человека...

И воспоминание это как-то неприятно тронуло ее – и куда все делось? А какая любовь была... Куда только делись эти объятия, желание быть рядом, держаться за руки? Куда делась их любовь – когда наговориться они не могли, насмотреться друг на друга не могли, расстаться даже на день – не могли?! Куда все это исчезло?!

Куда исчез тот Андрюшенька ее любимый, которого она обожала, которого вкусенько накормить хотела? Даже в институт брала заботливо приготовленный, красиво завернутый бутерброд, зная, что примчится он к ней после занятий, а то и просто – сорвется с лекций.

– Ты меня балуешь, – говорил он ей, видя этот бутерброд, или котлетку, или блинчики с мясом, которые он так любил.

– Я тебя не балую – я тебя люблю, – отвечала она просто и обнимала его.

Она остановила саму себя в своих воспоминаниях: чего об этом думать – было и прошло.

– Была-а-а любо-о-овь, была, да только все прошло-о-о, – громко запела она, как бы отрезая себя от воспоминаний.

И открыла холодильник, размышляя, что бы такое приготовить попроще и побыстрее. Давно она уже так готовила – исполняла свой женский долг, не вкладывая в приготовление еды ни души, ни фантазии – просто надо было мужика, пришедшего с работы, накормить.

И вспомнила опять, словно нехотя, как готовить для него любила, какие блюда придумывала. Сколько сюрпризов ему делала – какое-то новое мудреное блюдо, рецепт которого брала у подружки, или в журнале находила, или в старой поваренной книге, подаренной бабушкой.

А как сервировала она ему тарелку... Нравилось ей не просто положить еду на тарелку, а красиво-красиво все разложить, украсить ее резными листочками петрушки, бахромчатыми листьями салата, фигурно вырезанными кусочками огурца или моркови. Как старалась она его порадовать! Как любила она приносить ему тарелку к телевизору, чтобы не отрывался он от футбольного матча или захватывающего фильма...

А как любовалась тем, как он ест! Ничего прекраснее она не видела – любимый мужчина, который с аппетитом уплетает приготовленную для него еду...

Сейчас она только головой покачала, вспоминая это.

Давно уже она не любит тем, как он ест. Чего любоваться, чем любоваться? Сидит мужик и живот свой набивает, еще и харчами перебирает – то суп ему солоноват, то мясо

суховато... Давно она запретила ему у телевизора есть – мало ли чего ему удобно... А ей удобно за ним крошки с паласа выметать и пятна с журнального стола оттирать?!

И от раздражения она кастрюлю с супом, которую из холодильника достала, на стол с грохотом поставила.

Чего тут любить? И чего тут бояться потерять?!

Это того Андрюшеньку она боялась потерять: казалось, если что-то случится, она без него жить не сможет. Он был для нее всем, им она жила, дышала, о нем думала, для него все делала. И он был такой... Такой... Такой любящий, хороший, красивый, веселый, заводной – лучший!

И вспомнила она, как в гостях у своих друзей-студентов находила его глазами среди присутствующих и уже не сводила с него глаз. И она сравнивала его с Алешкой, хозяином квартиры, с его друзьями – и была уверена: Андрюшенька ее – лучший! Самый умный, самый красивый, самый сильный! И смотрела на него, и улыбалась ему, и он, словно понимал, о чем она думает, улыбался ей хитро, заговорщицки, как будто тайну какую знал. И когда они шли домой, говорил, прижимая ее к себе:

– Ты у меня среди всех этих девчонок – самая красивая... Самая... – он, казалось, не находил слов... – Лучшая!

И она смеялась звонко, счастливо, а потом говорила ему, как разглядывала парней, с ним сравнивала, и он был тоже – лучшим. И они шли домой обнявшись и часто останавливались, чтобы поцеловаться, и заводились, и спешили домой, чтобы отжаться этой молодой страсти, и утром так трудно было вставать, и не хотелось ей уходить от него, а ему – от нее. И они иногда, уступая этой ночной усталости, продолжали спать, не шли в институт, потом оставались в постели полдня – любили друг друга и просто валялись в постели...

И вспомнила, как вечерами нравилось им быть дома вдвоем. Просто быть рядом. Читать книги, находясь в одной комнате. Смотреть телевизор. А как она любила, сидя у телевизора, забравшись с ногами на диван, – вязать ему свитер...

И опять усмехнулась грустно, осознав, что сейчас даже мысль эта не приходит ей в голову – связать ему что-то.

– На него не навяжешься, на здоровенного мужика, – подумала она, оправдываясь. Подумала, как всегда – с раздражением, и сама почувствовала что-то ложное в своем оправдании: он и раньше был не маленьким, но тогда это ее не пугало. Наоборот: с воодушевлением вязала она ему один свитер за другим. И нравилось ей придумывать для него новую интересную модель, нравилось, что ходит он в вещах, связанных ее руками.

И вспомнился ей первый свитер, который она ему связала. Связала действительно с любовью, и, глядя, как он примерял ее «произведение» (так он с уважением назвал этот свитер), сказала:

– Тебе будет в нем очень тепло. В нем каждая петелька с любовью к тебе связана...

И это была чистая правда.

И что-то тронуло ее в этом воспоминании.

Повинуясь какому-то импульсу, она встала, взяла табурет и, взобравшись на него, открыла шкаф антресолей, куда складывала старые вещи. И не поленилась вытащить несколько коробок, пакетов со старыми вещами, ища в них тот свитер, который – она была уверена – она не выбросила.

В те далекие времена, когда жили они еще счастливой жизнью, когда Андрюша ее возмужал, раздался в ширину и свитер этот стал ему мал, она убрала его на антресоли, сохранив как первую связанную для него вещь.

Свитер лежал на дне коробки, задвинутой вглубь антресолей. Был он приятный на ощупь, мягкий, теплый – действительно с любовью связанный. И подумала она: может, любовь, что она вложила в этот свитер, и сейчас живет в его петельках?..

И странно ей стало, что в свитере эта любовь еще живет, а в отношениях их – нет.

И странно было осознавать – каким важным, ценным он был для нее тогда, когда с увлечением вязала она ему, готовила, старалась его порадовать. И действительно, подумала она, было тогда в ее отношении к нему что-то уважительное. Важным он был для нее, поэтому и уважала она его, ценила его присутствие. Заботилась о нем, выражая свою заботу и вкусной едой, и лаской, и вязанием этим...

И, чувствуя важность его, ценность, – уступала в каких-то незначительных ссорах, соглашалась с его решениями, подчинялась его желаниям. И нравилась ей собственная уступчивость. Как-то это было по-женски мягко, мудро. И он, в ответ на ее уступчивость, быстро переставал сердиться и зачастую тут же менял свое решение:

– А ты бы как хотела? Давай сделаем, как ты хочешь...

Давно он уже так не говорил. А она – давно все решала сама, у него не спрашивая, не интересуясь его мнением. Не важно уже давно ей было его мнение, как и он сам – не важен.

И подумала она потрясенно: как, когда, почему потеряла она это уважение, важность его?! Как превратились они в двух чужих, отстраненных раздражающих друг друга человека? Когда она перестала любить его? Ведь любила же, как любила!

И вспомнила – как встречала его из института, а потом с работы, выбегая на стук двери, на звук его шагов – всегда! Как сразу обнимала его, целовала, в глаза смотрела, интересовалась – как дела, как настроение?

Давно уже она не встречает его, давно не интересуется ни делами его, ни настроением. Наоборот: с недобротой какой-то слышит – пришел он... И казалось ей, иногда – лучше бы не приходил! И радовалась, когда могла побыть дома одна, без него – как сегодня, когда она, отпросившись с работы, чтобы съездить к маме за город, вернулась домой рано.

И подумала: как незаметно все это произошло – сначала стала она реже выбегать, когда он приходил, занятая каким-то делом. И дело это было почему-то важнее его. Потом родилась Наташка, и она, Катя, вся была в хлопотах. Потом – вообще перестала выходить встречать его, даже если не была занята, даже когда Наташка спала. Просто выглядывала, чтобы спросить:

– Пришел? Есть хочешь?

И шла разогревать еду, накрывать на стол.

Потом и встречать перестала, говорила подростковой Наташке:

– Иди, разогрей папе еду...

А потом и вовсе стала говорить:

– Суп в холодильнике, котлеты на плите...

Так, потихоньку, понемножку, и перестал он быть для нее важным. И стал, скорее, помехой, чем близким человеком.

И давно между ними уже не было душевной близости. Да и телесной не было.

И она, думая об этом, тарелкой о стол громыхнула. Какая уж тут телесная близость, когда уже несколько лет спят они в разных комнатах, а до этого – в одной постели, но как два чужих человека, отодвинувшись, отвернувшись друг от друга.

После свадьбы Наташи, когда переехала та жить к мужу – им стало легче. Как-то не заметно для себя перебралась она спать, потом и жить в Наташину комнату. И так было удобно им обоим. Она ему жить не мешала, он – ей. А после того как купила она себе отдельный телевизор, то и вообще перестали выходить из своих комнат. Раньше хоть передачу какую смотрели вместе, или спорили – кто какой канал смотреть хочет. Сейчас же – жили в одной квартире два человека, словно едва знакомых.

И опять, словно против воли, вспомнилось ей, как любила она засыпать на его плече, уставшая, утомленная любовью, слиянием их. Они действительно сливались, соединялись в одно целое, потому что любили тогда друг друга страстно, сильно.

И, вспоминая, ощутила она это, как наяву, – как тело ему свое открывала, как отдавалась его движению, темпу, подчиняясь еле уловимым сигналам, – поворачивалась или прогибалась. Это был взаимный и прекрасный поток, танец...

А утром, утомленная, но счастливая, выходила она на кухню, чтобы приготовить завтрак любимому своему Андрюшеньке – и ставила на стол две их любимые одинаковые чашки, которые она купила как символ их любви. Две красивые чашки с яркими разноцветными сердечками – для них, любящих друг друга. И она готовила завтрак для любимого своего мужа, и хорошо ей было вот так готовить, на две эти чашки с сердечками поглядывая...

И любила она каждое их утро – эти стоящие на столе две чашки. И это было уже счастье, что их – две... И когда ставила она их на стол или когда просто смотрела на них – уже испытывала она счастье...

А как нравилось ей просто смотреть в его глаза... Как нравились его руки – самые крепкие и любимые. А как нравилось просто целоваться или обниматься. И она подходила к нему и говорила:

– Давай целоваться...

Или:

– Давай обниматься...

И он улыбался в ответ и заключал ее в свои сильные объятия...

А как хорошо было открыть утром глаза и увидеть, как он тоже приоткрывает глаза – и улыбается. И – притягивает ее к себе, прижимает к себе тесно-тесно...

И как любила она подпевать ему тоненьким голоском, когда он, вешая полку на кухне или собирая книжный шкаф, напевал что-то низким голосом...

И, вытаскивая себя из этих воспоминаний, которые будто и не о ней, не о ее жизни были, – только головой качала сокрушенно: это же надо – какая любовь была... И куда только все делось?..

На улице стемнело. Она стояла у окна и смотрела на двор, освещенный фонарями. Картинка эта, с высоты седьмого этажа, была привычно-знакомой.

Темная арка, из которой появлялись прохожие. Навес над скамейкой у детской площадки...

И подумала она опять с волнением – сколько раз ждала она его вечерами на скамейке этой, чтобы встретить.

И как он радовался, что ждет она его, встречает.

И вспомнила совсем уже забытое, как однажды он задержался, и она ждала его, сидя на этой скамейке, ждала, а его все не было. И уже все возможные причины его задержки она передумала, а его все не было.

Дом засыпал, окна гасли, и она начала понимать: что-то случилось, с ним что-то случилось – и не хотела в это верить. Но – начала верить, когда прошел еще час, а его все еще не было. И она поняла вдруг – он может не прийти. Он может не прийти никогда...

Эта мысль ее оглушила. И она представила себе с ужасом: он больше никогда не зайдет в арку их дома и она никогда не услышит звук его шагов. Он никогда больше не обнимет ее, его не будет рядом, не будет в соседней комнате или на работе. Его больше не будет!

Эта мысль была страшной. Ее нельзя было думать. Но она все равно думала, представляла, как просыпаясь – не увидит его рядом, как она уберет вторую чашку из любимой их пары и на столе останется только одна чашка...

Она думала и думала – что же будет, если он не вернется, если с ним что-то случится (а с ним что-то случилось!)? Как будет она жить одна, без его любви, без этого любимого лица, рук, голоса, объятий, без его заботы, желания помочь? (Он даже посуду иногда мыл, хоть так не любил это делать!)

«Как же я жить-то буду?!» – отчаянно подумала она и заплакала, глядя в темноту арки и желая больше всего на свете, чтобы он там появился, чтобы ночную эту тишину нарушил звук его шагов.

Она плакала, плакала навзрыд, не сдерживая себя, плакала по нему, по себе – той, какой она будет без него. Плакала безутешно и все головой мотала, говоря: «Не хочу... Не хочу... Не хочу...»

Плакала и не заметила, как он подошел – подбежал, услышав, что она плачет, и схватил ее, к себе прижал, повторяя:

– Что такое? Что случилось? Тебя кто-то обидел, моя девочка?

И слова эти «моя девочка», вспомненные сейчас, – словно обожгли ее.

Она была тогда – его девочка. Как мама у Михаила Васильевича...

Она была его девочка. Его любимая. А он был – ее любимый Андрюшенька. И такого его она никогда не хотела потерять.

Но – потеряла...

Она его потеряла – подумала она вдруг. Потеряла того – любимого, ласкового, заботливого и веселого. И стал рядом с ней – Андрей, закрытый, вечно чем-то недовольный, отгороженный от нее – то делами, то усталостью, то плохим настроением.

И она стала другой – закрытой, недовольной, критически оценивающей всего его: от лица его до фраз и поступков. И она поняла, что тоже от него отгородилась...

И подумала она горько: «Я не только его потеряла, я себя – ту, девочку любимую, любящую – потеряла».

И поразила ее, как вспышкой, эта внезапная мысль.

У той, любящей, любящейся женщины был любимый ее – Андрюшенька.

У этой: недовольной, непринимавшей – Андрей.

Как будто два разных зеркальных отражения она увидела – тогда и сейчас. И горько было чувствовать – словно смотрит она сейчас в кривое зеркало.

И опять как-то неприятно и странно было осознавать – как все это пропало, исчезло. Как изменились они оба, как изменились их отношения. Главное – как перестали они любить друг друга. Кто из них перестал раньше? А кто – позже?

И странно было осознавать, что вот любили они тогда друг друга – и жизнь у них была одна. Теперь, когда не любят, – совсем другая. Да и разве это жизнью назвать можно?

И опять подумала: как, отчего, когда охладели они друг к другу? Что привело их к этой «другой», ненормальной жизни? А она и была ненормальной – именно сейчас она это увидела, вспоминая их прошлое, любовь их.

Нормально – это так, как было. Именно так – нормально.

А так, как сейчас, – не нормально и быть не должно.

– Так быть не должно, но так есть, – произнесла она вслух. И добавила: – Что-то с этим надо делать...

И опять – захотелось ей логическую цепочку выстроить.

Получается, что когда любила она его – он был другим.

Когда любил он ее – она была другой.

Когда любили они друг друга – жизнь была другой.

И, чтобы вернуться к этой другой себе, к другому ему и другой, нормальной, их жизни, – надо любить.

«Любить надо...» – подумала она. И вспомнила мамино: «Иди и люби мужа...»

И усмехнулась грустно – с этих слов сегодня все и началось. Этим и закончить надо ненормальную их жизнь.

– Иди и люби... Иди и люби... – повторяла она. И головой качала: понять бы только – как это сделать.

И словно подсказка в ней самой прозвучала: «Ты же знаешь как – ты же любила... Ты заботилась, ухаживала, уважала, вязала, любовалась, кормила вкусно... Иди и люби...»

И она пошла – куда ноги ее повели – на кухню. И подумала: что же он раньше любил есть, когда я ему готовила?

И руки сами из морозилки упаковку рыбного филе достали, а из шкафа – пакет с мукой... И уже спокойно, с каким-то внутренним узнаванием, стала она тесто замешивать, чтобы любимый его рыбный пирог испечь. И, пока размораживалась рыба, начала салат его любимый делать, с брынзой и зеленью.

И, пока готовила она ему любимые блюда, было отчего-то тепло внутри. Тепло и спокойно. И хорошо, как когда-то, когда ждала его с работы и готовила для него, любимого, ужин...

Она поставила на стол красивую миску с салатом, достала красивые тарелки, приготовила блюдо для пирога, уже готового, укутанного в кухонное полотенце, чтобы не остывал, – села у стола, глядя на эту красоту. И подумала – чего-то недостает...

И волнуясь, понимая, чего недостает, – начала искать чашки их любимые, боясь, что не найдет их – ведь давно уже была куплена новая посуда, подходящая к кухне по цвету, по стилю. И только вспомнив, что всю старую посуду, которой они не пользовались, вынесла она на балкон, уложив в коробку, стоящую высоко на полке, – успокоилась. Как будто чашки эти, когда-то важные и дорогие им двоим, которые достанет она из коробки, – поставят всё на свои места...

А когда нашла она эти чашки – с волнением вымыла их, любуясь яркими их сердечками. И поставила их на стол – друг напротив друга.

И сидела, смотрела на них, ни о чем не думая, просто – узнавала забытую картинку, картинку их любви.

Потом, словно какая-то сила ею управляла, – встала, погасила свет на кухне, с вешалки легкую куртку сорвала – прохладно уже на улице —, и легко, по-девичьи, по ступеням сбегав, направилась к скамейке в глубине двора. И, сев на нее, волнуясь отчего-то (как девочка!) стала ждать, когда в слабо освещенном проеме арки появится Андрей.

– Андрюша, – поправила она себя. – Андрюшенька...

И сидела тихо, ни о чем не думая. Просто сидела и мужа своего любимого ждала. Но подумала вдруг: «А если именно сегодня что-то случится, и он не придет?..»

И закричала где-то внутри: «Нет, я так не хочу!.. Я не хочу, как мама...»

И головой покачала несогласно. И с надеждой на темную арку посмотрела – пусть только придет, пусть только вернется... И подумала опять: «Я не хочу опоздать... Я не хочу мучиться оттого, что не отлюбила, что не отдала... – И сама себя успокоила: – Он сейчас придет – и все будет хорошо...»

И, словно услышав ее мысли и согласившись с ними, муж вошел в проем арки. И она одновременно увидела его и услышала его шаги, узнала их.

И радость оттого, что она узнала эти родные шаги, словно сложилась с той радостью, когда она узнавала его шаги давно, в молодости. И она пружиняще, торопливо пошла ему навстречу, и издалека, в свете фонаря, увидев лицо его родное и удивленный взгляд – сказала только:

– Андрюшенька, я тебя ждала... Мне захотелось тебя встретить...

И близко подошла – ив объятия его упала, которые он, словно в нем Андрюшенька проснулся, – ей открыл. И несколько мгновений они так и стояли, обнявшись, а потом – пошли к подъезду. И она руку свою, которая его обнимала, – не сняла. И он свою не убрал. И так шли они до подъезда – одним целым, как давно не ходили. Молча, но ощущая, что они – вместе, поднялись в дом.

И только когда вошел он на кухню и увидел стол, накрытый для него, и две чашки – символ их любви, что-то в лице его дрогнуло. А она, ставя на стол любимый его пирог, спросила:

– Как дела, Андрюшенька? Как настроение?..

...Трели звонка звучали и звучали. И, уже просыпаясь, поняла она, что звучат они наяву, не во сне. С трудом отрывая от подушки голову, утомленная этой ночью, она увидела рядом крепко спящего мужа. Улыбнулась его крепкому сну, подумав: «Устал, дорогой...» – и, осторожно сняв с себя его руку, пошла в коридор на звонок.

– Мам, извини, что разбудила, я на минутку... – сказала Наташа, входя в квартиру. – Я только вещи возьму, мы с Машкой на дачу собрались ехать, а у меня дома теплого ничего нет...

Сумка с ее вещами стояла неразобранной – как принесла ее Наташа, поссорившись в очередной раз с мужем, в очередной раз расставшись с ним, так и ждала та своей хозяйки.

И пока Наташа быстро доставала теплую куртку, укладывала в пакет кроссовки, Катя молча смотрела на дочь. Спросила только:

– Иван дома?

– Дома, где ему быть, – холодно бросила дочь, и по лицу ее было видно: не рада она, что муж ее дома.

– Он с вами не едет?

– А чего ему там делать? – все так же холодно, недовольно, что мать завела этот разговор, ответила Наташа и пошла к двери.

– Знаешь, детка, что я тебе скажу... – произнесла мать, остановив дочь. Взяла ее за плечи, к себе развернула и глубоко в глаза ей посмотрела. – Бросай ты все эти вещи, бросай всю свою затею с дачей... Иди домой – и люби мужа...

И, глядя на удивленное, с широко раскрывшимися глазами лицо дочери, проговорила твердо и медленно:

– Иди домой и люби мужа!.. – И добавила: – Иди и люби!..

Последняя – любовь?

Это было детское ведро Иришки. С ним она, малышка, сидела когда-то в песочнице, маленькой лопаткой старательно наполняла его влажным песком, потом переворачивала, стучала по его глянцевому синему боку с белыми ромашками – делала из него «куличик», который не хотел держаться, рассыпался.

Письма лежали на полу, рядом с ведром. И то, что лежали они рядом – ведро ее дочери и письма Димы, ее мальчика – было так символично, как будто встретились они, наконец, все вместе и все тайное стало явным.

«Нет, не стало...» – подумала она. И для того чтобы никогда не стало – она и должна сделать то, что задумала. На что ой как страшно ей было решиться. Но она сделает это, потому что это единственный выход...

Она села рядом с письмами, рукой их накрыла. И будто от стопки этой исходило тепло, жар. Так ей казалось...

Она знала их наизусть. Она узнавала их, едва на них взглянув, – каждый конверт. Она знала – что в нем, какой лист бумаги, какие чувства, какое настроение несет письмо... Она могла представить текст каждого письма, помнила, в каком месте, когда она читала его, ее бросало в жар, в каком – в висках стучало и сердце начинало биться быстрее...

«Мальчик мой», – подумала она с любовью. С такой любовью...

Эти письма были полны любви. Его любви, которой он наполнял строчки. И она, получая письмо по почте до востребования, несла его в руке, чтобы почувствовать тепло это, любовь его – сквозь конверт. Она несла его, не открывая, пока не села на лавочку, скрытую в густой тени разросшейся сирени. Тогда она жадно, дрожащими руками обрывала край и начинала читать – так же жадно, впитывая в себя каждое слово, фразу и – его любовь...

– Мальчик мой любимый... – подумала она опять, погладила эту стопку писем и, разложив их перед собой, погладила каждое. – И опять на ведро это посмотрела, на белые ромашки, поцарапанные когда-то давно совочком дочери. Разве можно чистые эти, святые для нее, дорогие ей письма – в ведро это положить... Разве можно их уничтожить?!

Нет, не готова она была это сделать.

Не могла она этого сделать.

Пока не могла.

И, застыв над письмами этими, словно окаменев на мгновение, подумала она неуверенно: «Может, все же не делать этого?.. Как я буду без них?..»

«А как я с ними буду?» – тут же родился в ней вопрос. И она застонала в голос, так мучительно ей давалось это решение. И сама себе сказала:

– Это надо сделать... Надо!

И опять головой покачала – не сейчас...

Это случилось однажды утром. Случилось как-то неожиданно.

Она посмотрела на себя в зеркало – и ей захотелось тут же отвести глаза – не смотреть на себя. И она отвернулась, ушла вглубь комнаты – и оттуда посмотрела на себя снова, посмотрела осторожно, словно боялась увидеть себя, и – изучающе: как она выглядит вот так, издалека?

В комнате царил полумрак, и вдали от зеркала она показалась себе иной – лучше? моложе? И она подумала нервно: «Вот бы и другие меня видели так – в темноте и не подходя близко...»

И плакать захотелось ей от этих слов.

Это случилось внезапно, неожиданно для нее самой – и странной ей казалась эта внезапность, ведь ждала она этого и боялась давно...

Давно уже придирчиво рассматривала себя в зеркало, находя все новые и новые морщинки. Давно чувствовала, нервно прикасаясь к векам, шее, что кожа на них становится другой – вялой, не молодой.

Она была еще молодая женщина – так она сама себе говорила, уже не веря в это. И после развода с мужем одиночество ее не пугало: ей всегда казалось, что у нее все еще впереди. Какие наши годы! – говорила она подругам, обсуждая свою и их личную жизнь, перспективы будущих отношений. Старость, старение – эти слова были еще не про нее, по крайней мере так ей хотелось думать. Но признаки увядания она находила каждый день, все еще успокаивая себя: мол, это оттого, что плохо спала, что много воды выпила на ночь, что перенервничала на работе. Но как бы ни хотела она замечать в себе признаки подкрадывающейся старости, – утренняя эта встреча с собой, немолодой, увядающей женщиной, ее потрясла. И, может быть, она бы пережила ее более спокойно, с принятием, не зайдя в комнату Иришка.

Она, шестнадцатилетняя девочка, влетела к ней комнату, как всегда вихрем, с ходу чмокнула ее в щеку и начала что-то говорить – о сегодняшнем дне, о том, что в кино вечером пойдет, – но Светлана Иришку не слышала. Она – смотрела. Смотрела на дочь в отражении зеркала – молодую, с упругой загорелой кожей, со свежим лицом, горящими глазами, с высокой грудью и плоским животом. Молодую, красивую, полную жизни девушку.

И рядом, в отражении зеркала, – на себя, так заметно стареющую...

Именно тогда, когда она так ревностно и даже с неприкрытой завистью, смотрела на молодую свою дочь – в их жизни и появился Дима.

Он пришел к ним однажды вечером вместе с Иришкиным знакомым. И, видя, как дочь кокетничает с Димой и громко хохочет, Светлана испытала раздражение. Раскрепощенность дочери, красота этого молодого, полного сил – уже не доступного ей парня – раздражали ее. И когда дочь, вернувшись после прогулки с Димой, весь вечер щебетала о том, что говорил Дима, что делал Дима, – она прервала ее – резко, как давно не делала:

– Хватит болтать! Лучше бы к экзаменам готовилась!..

Сказала, словно в дочери врага, соперницу увидела, – и сама своей интонации удивилась. И понимала: неправильно это – но именно такие чувства она испытала: ревность к собственной дочери, зависть к ее молодости, к тому, что легко может она молодых мужчин к себе привлекать – а ей, Светлане, это было уже не под силу.

Наверное, именно потому, что мальчик этот (так она его сначала восприняла), для нее, Светланы, был недоступным, запретным, – и стал он так притягателен. Странное чувство испытывала она каждый раз, когда появлялся он в их доме с друзьями дочери: безумно тянуло ее к нему и одновременно ощущала она тщетность всего этого.

«Мой поезд ушел», – каждый раз проносилось в ее голове, когда она видела его. И каждый раз – страстно желала она приблизиться к нему, получить его – как последний шанс, «последний поцелуй после жаркого лета», как сама с горькой иронией думала.

Так, видно, и было predetermined, что мальчику этому (на самом деле взрослому парню, которому минуло двадцать три года) – действительно нужно было стать для нее этим «последним поцелуем». Потому что как-то так получилось, что он – возможно, неосознанно чувствуя ее интерес, ее желание быть ближе к нему, – сам стал к ней стремиться. И все чаще они замирали, встречаясь взглядами, и что-то тайное, во что она отказывалась верить, – стало зарождаться между ними. И однажды она узнала, что это не ее выдумки, не иллюзия – он действительно проявлял интерес к ней – зрелой, взрослой женщине, отношения с которой были для него первыми в его жизни.

И так случилось, что ее «последний» шанс – заинтересовать собой молодого интересного мужчину и его «первый» – познать взрослую женщину, – соединились. И однажды, когда они вышли вместе из ее дома, она – чтобы зайти в магазин за хлебом, он – чтобы идти домой, – они остались вдруг наедине, без Иришки и ее друзей. И то, что тайно существовало между

ними, – проявилось. Он просто остановился, взял ее за плечи, развернул к себе и поцеловал. И сделал все это очень по-мужски, по-взрослому. И этот его поступок, и их сумасшедший, жадный поцелуй – как будто пусковой механизм в них включили. И после этого – понеслось... Так начался их роман – тайный, бурный, полный страсти, на пике сильных чувств, таких, которые бывают только когда зрелая женщина проживает свою последнюю любовь, а молодой мужчина – свою первую, взрослую.

И все это было так необыкновенно страстно, и прекрасно, и хорошо – если бы только не дочь ее, Иришка. Она тоже была увлечена этим взрослым парнем. О нем щебетала она, возвращаясь с очередной молодежной тусовки, где они пересекались. О нем фантазировала вслух, не стесняясь матери. Для него наряжалась, собираясь в гости к подруге, где ожидала его встретить. И что больше всего угнетало Светлану – дочь говорила об этом открыто, по-детски доверчиво. И какой же подлой, жестокой предательницей чувствовала себя в такие моменты Светлана. И говорила она себе суетливо:

– Все, все, надо заканчивать все это... Все – так больше нельзя!..

Но... Любить его. Любить его всего – улыбку, уголки глаз, сильные руки, его запах – стало смыслом, главной целью ее жизни, словно она только сейчас поняла: как это – любить мужчину. Потому что любила его – как последний раз. И они продолжали тайно встречаться, и любовь к нему не прекращалась, а только усиливалась от осознания ее временности, того – что ее нужно закончить, оборвать. И она любила – понимая, что нельзя любить, потому что этим парнем увлечена дочь. И, даже понимание, что дочь не любила его – она была слишком молода, чтобы любить так, как любила она, Светлана, – не помогало, не разрешало отдаться любви.

И она сотни раз принимала решение остановить, прекратить эти встречи, и – не могла. Не могла остановиться, оторваться от него – потому что понимала, что это последний раз в ее жизни, последний раз. Она не могла отказаться от этой любви, понимая, что больше с ней такого не будет. Не будет такого мальчика. Не будет такой молодости рядом с ней. Это – действительно был «последний поцелуй после жаркого лета», которое закончилось. Закончилось ее женское лето – цветение, энергия, красота...

И когда наступил сентябрь и он уехал – продолжать учебу в другом городе, она, несмотря на боль, трагедию расставания с ним – все же испытала облегчение. Но – ненадолго. Потому что начались их письма друг другу...

Письма – от которых внутри будто загорался огонь, от которых сердце начинало биться быстрее. Письма, которые были полны любви. Его любви – которой он наполнял строчки, и ее любви – которой она отвечала ему. И ей казалось, что пакет с этими письмами, который становился толще, плотнее, – был горячим даже на ощупь. И она носила их с собой, просто не зная, где прятать, и не желая их оставлять в доме, где их могла найти Иришка. Потому что – письма эти – тоже были ее предательством, грехом. И она носила их с собой. Как и грех – в себе.

Прошло полгода, и однажды она почувствовала, что надо отпускать своего мальчика, отпускать во взрослую жизнь, и самой – возвращаться в свою жизнь, в жизнь мамы. Дочь ожидалась, ожидая приезда Димы на каникулы, и Светлана с ужасом думала: что будет теперь, когда он вернется и это предательство, грех – опять станет явным? И поняла: если ей трудно носить и прятать даже пачку писем, чувствуя себя при этом виноватой, плохой, – как трудно ей будет прятать их встречи, их отношения.

И почувствовала, что это выше ее сил. Что все это действительно нужно прекратить. И хоть решение это далось ей нелегко, она приняла его. И в длинном, полном чувств, любви и сожаления письме она объяснила ему все, написала обо всем так страстно, так взволнованно – как не может больше врать и скрывать их отношения от дочери и быть подлой, – и он с ее решением согласился.

И когда все было завершено, она подумала, что закончился самый прекрасный и самый тяжелый период ее жизни. Можно больше ничего не скрывать и не предавать свою дочь, можно

быть с ней открытой, можно быть той любящей мамой, которой она была раньше. И только после этого подумала: «А что же мне делать с этими письмами?»

Письма были реальным свидетельством ее греха, предательства – ее любви. Она не могла их оставить:

сделать это – значит оставить все эти воспоминания, эту боль. А значит – продолжать предавать дочь. Письма нужно было уничтожить – это она понимала. Но сделать не могла.

Уничтожить его письма?! Письма, каждое из которых она перечитывала сотни раз, от которых так билось сердце и шумело в висках?! Это огромное количество нежности, страсти, эти слова, эти чувства – и уничтожить? Нет!

И она откладывала это решение, оправдываясь перед собой, что еще не время, что еще пусть пока полежат. И спрятала их далеко, глубоко, чтобы дочь не нашла. А сама мучилась, что свидетельство ее подлости и греха перед дочерью – остается в их доме.

Так было до того дня, когда они с Иришкой затеяли небольшую перестановку в комнате. И она судорожно думала: куда убрать пакет с письмами, чтобы дочь его не нашла. И это ощущение, уже знакомое и такое неприятное – собственной нечестности, нечистоты – подвигло ее к окончательному решению. Этому действительно надо положить конец. Письма надо просто уничтожить. И она решила сделать это – сжечь их, чтобы они не попали в руки никому. И в воскресенье она отправила дочь на дачу, объяснив, что ей надо закончить одно важное дело, после чего она тоже к ней придет. А сама приступила к этой окончательной, заключительной операции по завершению ее последней любви...

...Она сидела на полу, рядом с детским ведерком дочери, смотрела на разложенные у ведерка письма и понимала: нет, она не готова их уничтожить. Не может она этого сделать.

Она поднималась, складывала письма в пакет, прятала его глубоко на дно сумки, подходила к дверям квартиры и понимала: ну не может с ними выйти, не может все это продолжать дальше. И возвращалась в комнату, садилась на пол, доставала письма, смотрела на них и думала: что же ей с ними делать? Уничтожить их не было сил. И тогда она решила:

– Я просто выброшу их. Выброшу и поставлю на этом точку.

Но тут же представила, как эти выброшенные письма где-то на свалке читают грязные, оборванные бомжи...

И она опять укладывала их в пакет, прятала на верхней полке шкафа, говоря себе:

– Пусть еще полежат, я потом...

И понимала: она просто больше не может быть нечестной перед дочерью! Пока эти письма существуют – она будет возвращаться к ним, вчитываться в эти строчки, вдыхать их запах. И он будет все время стоять между ними... И мука и предательство продолжатся.

Сколько раз она пыталась выйти из квартиры, полная решимости выбросить письма? Много. Много раз она поднималась – и возвращалась. И подумала: «Дело не в письмах, не от них я не могу отказаться. Я не могу отказаться от любви, потому и письма эти – плод их любви – не хочу отпускать, как не хочу отпускать любовь».

И она спросила себя:

– Что делать мне с этой любовью, которая закончилась?

И вдруг поняла, что ей надо просто признать, надо смириться с тем, что любовь закончилась. И сказать себе: «Я становлюсь мамой. Я возвращаюсь к дочери...»

И она посмотрела на письма, в последний раз – прощаясь с ними, трогая, глядя их конверты, вспоминая, что было в них.

Вот в этом – он сказал ей:

«Я такой женщины, как ты, никогда не встречал и никогда не встречу. Ты – единственная...»

А она потом в ответном письме писала грустно – что молодой он еще мальчик и что женщин еще всяких встретит. А он потом сердился, целое письмо ей написал о том, что она – единственная...

В этом письме – она погладила его, вспоминая об этом, – писал он об их ночи и как после этой ночи спать не мог без нее, все во сне ее искал.

А в этом письме были мечты его: «А давай рванем вдвоем на недельку в отпуск, я буду любить тебя на песке, в море...» И она, читая эти строки, и хотела, чтобы любил он ее везде, всю жизнь, и знала – не будет этого. Этого никогда не будет. Потому что есть Иришка.

И воспоминание это как будто каплей было, которое чашу весов тронуло. И решение пришло – единственно верное, потому что есть Ириша, дочка, и честность перед ней – главное.

И она спокойно, нежно – как самое дорогое – письма эти погладила. А потом самое первое открыла, листочек читаный-перечитанный достала и скомкала его – осторожно, словно боялась ему больно сделать, но сделала больно только себе – от пролома его каждого и, мертвея внутри от того, что делает, спичку зажгла и к уголку поднесла. И он вспыхнул – ярко, внезапно, так что ей пришлось пальцы разжать, и листок этот горящий упал на дно ведерка и стал исчезать на ее глазах – только кусочки строчек мелькали, сгорая. И лежала на дне ведерка уже – кучка играющего огнем пепла...

И она уже решительнее второе письмо достала, тоже смяла его, чтобы лучше горело, подождала и, уже не глядя на него, – в ведерко опустила. И быстро – третий конверт открыла, затем – четвертый...

Костерок горел, сгорал на ее глазах.

Вся любовь ее сгорала.

И его любовь – тоже.

И минуту спустя уже лежала на дне кучка пепла – все, что от любви ее осталось.

И внутри нее была пустота, как будто вычерпали ее сейчас всю – до доньшка.

И был – покой. Удивительное вдруг чувство ощутила она.

Покой. Покой. Покой.

Все, что тревожило ее эти полгода, все ее терзания, муки совести, надежды и ожидания, горечь осознания, что никогда они не могут быть вместе, чувство вины перед дочерью – испарилось. Все это исчезло, как исчезли эти письма. Остался только покой.

Тихо было в ее душе.

И – удивительно хорошо.

Как будто очнулась она ото сна, словно попала в другую реальность, в которой есть спокойствие, мир, чистая жизнь. В которой есть Ириша, ее детка, доченька.

Давно Светлана так не думала об Иришке – терзаемая чувством вины и голосом совести. И теперь, подумав, привычно улыбнулась и заплакала. И плакала светло, повторяя:

– Спасибо! Спасибо! Спасибо!

А кому спасибо? За что – спасибо?

Ему ли – за любовь его детскую?

Ей ли – за смелость завершить любовь эту, позднюю, чистую и – не чистую?..

Или детке ее, которая была все это время рядом – как указатель светлый, напоминавший: «так нельзя»?..

– Спасибо! Спасибо... – все еще звучало в ней, пока она собирала сумку, чтобы ехать на дачу к дочери.

– Спасибо, – сказала она своему отражению в зеркале и лицо свое заплаканное вытерла.

И только когда сборы были закончены, подошла она к ведерку этому с кучкой пепла на дне и сказала ровным голосом – просто факт констатируя:

– Вот и вся моя последняя любовь...

И подумала вдруг: почему последняя любовь? Любовь не бывает последней. Она обязательно еще будет любить. Она будет любить дочь, будет любить ее как прежде – сильно, наверное, даже сильнее – после всего пережитого.

И поняла вдруг – в этом поступке проявилась вся ее любовь к ней, детке своей любимой. Именно любовь к дочери выбрала она, отказавшись от любви к мальчику этому.

И представила она, как скоро, наверное, будет любить ее деток – своих внуков. Как будет с удовольствием наблюдать за ними, играть с ними, гулять, читать им книжки. Сколько еще любви в ней будет!

И представила себе свою жизнь: как будет она просыпаться в своей квартире, идти на свою любимую работу, возвращаться в любимый дом, к любимой дочери. Сколько еще будет любви в ее жизни...

И подумала вдруг – и с чего я взяла, что эта любовь последняя? С чего я придумала, что я больше не буду любить мужчину? У меня, которая живет в любви, – всегда будет любовь. Пока жива – я буду любить.

И, посмотрев на кучку пепла от «последней» своей любви, – усмехнулась и головой покачала несогласно, словно спросила:

– Разве это – последняя любовь?

И ответила:

– Нет.

И взяв ведро это детское, к открытому окну подошла и легко, словно отпуская все, что хранило оно, из ведерка вытряхнула. И, глядя, как лепестки пепла плывут, тают в воздухе, подумала еще раз: «Спасибо!..»

И уже уходя из квартиры, посмотрела в зеркало на лицо свое заплаканное, но светлое, чистое и удивительно молодое – и только вздохнула легко.

И поехала к дочери.

Поехала в жизнь свою, в которой любовь была, есть и будет...

МАМ, ЖИВИ!

– Мам, а почему у тебя нет мужчины? – спросила Дашка.

И Оля, стоявшая у зеркала, утренняя, сонная, в одно мгновение проснулась окончательно и так и застыла с расческой в руках, потом резко повернувшись к дочери, ответила возмущенно:

– Это что за разговоры такие?! «Почему у тебя нет мужчины?»! Ты что, не знаешь, что мы с папой развелись?!

– Я же тебя не спрашиваю, почему у тебя мужа нет, – прервала ее Дашка, – я спрашиваю, почему ты одна, без мужчины, живешь?

На вопрос этот у Оли, набравшей было воздуха в рот, чтобы ответить что-то, – ответа не было. Но мгновение спустя, словно придя в себя, она опять возмущенно сказала:

– Как ты это себе представляешь? Я – взрослая порядочная женщина, я работаю, тебя воспитываю, домом занимаюсь, откуда мне мужчину взять?..

Она проговорила это раздраженно, сердясь на Дашкину непонятливость, но та, казалось, не замечала или не хотела замечать ее возмущения.

– Все женщины работают, детей воспитывают и домом занимаются, это не мешает им иметь мужчин! – миролюбиво сказала в ответ Дашка.

– Да чего ты ко мне пристала с мужчинами этими?! – опять возмутилась Оля, отмечая про себя: чего это она так возмущается? – Нет у меня мужчины! И откуда, скажи на милость, он возьмется – если я никого не люблю? У меня нет мужчины, которого я люблю, что тут непонятно?

– Да все это мне и непонятно, – упрямо сказала Дашка и даже с дивана спрыгнула и к Оле подошла, рядом с ней встала и в зеркало, отражению ее, сказала:

– Ты на себя посмотри! Ты же нормальная женщина, красивая, молодая еще.

И Оля непроизвольно дернулась от этих ее слов – какая молодая? Ей уже тридцать девять, уже Дашке шестнадцать, это она рядом с ней, матерью, – молодая и красивая женщина!

– В твоём возрасте у женщины должен быть мужчина, – продолжила дочь назидательно. – Ну если не муж, то хотя бы мужчина, – добавила она многозначительно. – Мам, ну разве можно так жить: все одна и одна?! То с вязанием живешь, то с телевизором... Ну если мужа нет, то хоть роман себе заведи, чтобы удовольствие от жизни получать, чтобы живой себя чувствовать... Разве можно так жить? Ты мне тут оправдания находишь: мужа нет, я никого не люблю... Так полюби! Ищи их, находи, встречайся, знакомься. Увлекись кем-то – ходи на свидания, занимайся сексом, – ты же живая женщина!

– Ну, ты вообще! – не выдержала Оля. – Уже меня и сексом заставляешь с кем-то заниматься!.. Я еще замуж не вышла...

– Мам, ну ты как ребенок! – опять сказала «взрослая» Дашка, – уперлась в свое замужество... Ты так никогда замуж не выйдешь – у телевизора своего! А может, как знать, ты действительно больше никогда замуж не выйдешь – так что же теперь: не жить?! Поставить на себе крест – не радоваться, не любить, не влюбляться и сексом не заниматься?!

В Дашкиных словах была почти угроза, и Оля даже головой покачала: нет, так она тоже не хочет – всю жизнь свою у телевизора провести!

– Так иди в жизнь, мам! Иди, знакомься, общайся, выбирай! И – люби! Люби! – сказала Дашка, и Оля, будто оборвав весь этот поток слов, спросила только:

– Да где же я его возьму?!

– Да он сам возьмется. Главное – твое желание его найти. Ведь по женщине видно: нужен ей мужчина или нет. Ну, если ты всем своим видом показываешь, что никого и ничего тебе не надо, – кто к тебе подойдет?! Кому ты сама такая нужна?! Ты хоть начни на мужчин обращать внимание, в глаза им смотреть, улыбаться...

Оля заерзала на стуле и не выдержала:

– Ну, это как-то совсем откровенно...

– Ой, мам, трудно мне с тобой, – сказала Дашка с улыбкой. – Ты, главное, меньше думай, просто – живи!

Дашка закончила фразу и ушла, тихо прикрыв за собой дверь, оставив Олю одну стоящей у зеркала. И она стояла и даже не знала, что думать после этого разговора с дочерью.

«Это же надо! Ей всего шестнадцать лет, а она тут рассуждает, жизни меня учит», – подумала она возмущенно. И показалось ей, что они с Дашкой ролями поменялись: та ее, как ребенка несмышленного, наставляет.

«Молодая... – иронично подумала она. – Какая я тебе молодая, вон – морщинки у глаз, и у губ, когда всмотришься...»

«Мужчина ей нужен... – продолжался в ней внутренний монолог, – вернее, мне нужен... Может, и нужен. Да где его взять, мужчину этого? И вообще – как Дашка себе это представляет? Я что, по городу должна ходить и мужчин к себе улыбками привлекать? Или заговаривать с ними? И опять же, был бы муж – другое дело, а просто роман с каким-то мужчиной – оно мне надо?»

И тут же почувствовала в своих словах несправедливость какую-то: ну где она себе мужа возьмет, если нет вокруг нее мужчин, если не привлекает она их – ни улыбками, ничем другим...

И она, стараясь не попадаться Дашке на глаза, позавтракала на скорую руку и собралась на работу, но мысли, вызванные разговором, – ее не покидали.

И в метро, стоя на платформе в ожидании поезда, она незаметно поглядывала на мужчин, думая: а может и вправду, как Дашка советовала, улыбнуться кому? И сама себя одернула –

сумасшедшая, бабе скоро сороковник, а она, как девчонка, к мужикам будет клеиться, будет им лбыться в надежде, что на нее внимание обратят.

Но на работе, словно наперекор своему желанию, с любопытством наблюдала за всеми коллегами-мужчинами, словно примеривала себя к ним, или – их к себе. Но в какое-то мгновение, осознав это, чертыхнулась:

– Это черт знает что! Молодая балбеска чепухи наговорила, а старая туда же – кавалеров искать...

Но дома за ужином эти мысли и чувства заставили ее первой заговорить с дочерью, заговорить как бы невзначай, бодро:

– А где твои кавалеры? Чего это никто не звонит? Ты меня вон пристроить к кому-то хочешь, а сама – почему одна дома вечер проводишь?

– Мам, ты меня не учи кавалеров привлекать, – не повелась на игривый ее тон Дашка. И добавила серьезно: – У меня «кавалеры» были, есть и будут, пусть тебя это не волнует. Потому что я – нормальная девушка и хочу, чтобы за мной ухаживали, хочу парня себе нормального выбрать, может – будущего мужа. Но чтобы я выбрать могла, надо чтобы они были, понимаешь, чтобы было из чего выбирать... А вокруг тебя – пустота. Ты никого не ищешь, тебе никто не нужен, ты как будто смирилась, согласилась, что вот так, одна, всю жизнь проживешь. Но жизнь идет, мам, надо жить.

И Оля не удивилась, а поразились Дашкиным словам, серьезности этой, опытности, мудрости, словно ей, Дашке, было почти сорок, а Оле – шестнадцать.

– Надо жить, мам. Надо мужчину любить, нужно радоваться чему-то – а не только очередную кофту вязать и телевизор смотреть.

Оля молчала, не зная, что и ответить дочери.

– Живи, мам! – сказала Дашка. – Мам, живи! – повторила она сильно, призывно – и ушла в свою комнату.

И слова эти: «Живи, мам! Мам, живи!» – все звучали в Олиной голове, пока она на кухне прибиралась, пока ко сну готовилась, минуя уже привычный, но вроде сегодня чем-то неприятный ей телевизор.

А когда легла в постель – все вертелась с боку на бок, не находя себе удобного места, словно разговор с дочерью ее напрочь покоя лишил, – и все звучало в ней: «Мам, живи!»

И она продолжила этот внутренний диалог, словно все еще защищалась:

– А я что, не живу? Живу! Живу, как все нормальные люди...

И словно картину своей «нормальной» жизни увидела: как утром она собирается на работу, на работе целый день проводит в делах и хлопотах, после работы домой возвращается, по пути в магазин у метро заглядывая, и потом – ужин на скорую руку и телевизор – сериал какой-нибудь или концерт. И «нормальная» эта жизнь показалась ей вдруг серой, обыденной, – и совсем она ей не понравилась.

И она повернулась на другой бок – словно от жизни этой «нормальной» отвернулась, чтобы с другой стороны на все происходящее посмотреть, но опять подумала:

«Нормальная жизнь... Все так живут – и я так живу...»

И сама себе не поверила – раньше она так не жила. И поневоле стала вспоминать, как она раньше жила.

И полночи, ворочаясь с боку на бок, вспоминала она себя в разные периоды жизни, когда жила по-другому, не так, как сейчас.

То видела она себя девочкой-подростком, вспоминала, как со своей подругой Светкой наряды в журналах обсуждали, хвастались новой косметикой и на парней поглядывали. И сколько у них тогда надежд было на какую-то жизнь необыкновенную, – в которой не только работа да телевизор.

То вспоминала, как за ней ухаживал Сергей, как он появился в ее жизни – и вся она тогда ожила: только о нем думала и говорила. И прихорашивалась постоянно у зеркала, и беспричинно – от скрытой радости – начинала танцевать на кухне, готовя завтрак. Как мчалась на свидание, как возбуждалась от его прикосновения и поцелуев, как хотела быть с ним.

Вспоминала свадьбу, их взгляды, и свои такие глубокие и высокие чувства к нему: что вот он – человек, которого она на всю жизнь для себя выбрала.

Вспоминала и ссоры их, непонимание и обиды. И даже в них – была жизнь, страсть, энергия. Не то что тусклые однообразные вечера, которые проводила она с вязанием и телевизором.

– Как же так случилось? – спросила она себя. – Когда же я жить перестала? Потому что – права Дашка – это жизнью трудно назвать.

И поняла она вдруг: дело тут не в мужчине, не в его отсутствии. Дело в ней самой, которая, как говорится, сама не живет и другим не дает. Действительно – откуда ему взяться, мужчине? Из телевизора, что ли, вылезти, если она, Оля, и жизни не видит?

И снова вспомнила она, как раньше с подругами ходила в кино на все премьеры фильмов. Как увлеклась она потом театром и знала – где, в каком театре что стоит смотреть. И Сергея увлекла этими театральными вечерами. Как она, Оля, раньше интересно жила – то на экскурсию в Гжель ехала, чтобы посмотреть, как из глины такие чудеса производят. То отправлялась в турпоездку с паломниками по святым местам. Она была живая, и все ей было интересно – не то что теперь.

– А что теперь? – спросила она себя. И ответить сначала не смогла. Потом ответила: – Теперь скука смертная. Теперь – это не жизнь, а лишь тень жизни, словно я – столетняя старуха и мне только и остается, что вязать в одиночестве у телевизора...

И вдруг, словно что-то переключилось внутри, – родилось в ней такое желание жить – снова жить, любить, наряжаться, радоваться встречам, надеяться, ждать, даже – разочаровываться, если надо. Снова делать все, что было когда-то в ее жизни, когда любила она своего будущего мужа, когда жила с ним, расставалась с ним.

И она, лежа в постели без сна, глядя в темноту, говорила, словно клятву себе давала:

– Я буду жить! Я буду жить! Я буду любить! Я буду живой!

Такой это был ответ Дашкиному: «Мам, живи!». И поняв это, она даже заплакала – от благодарности к дочке своей, которая показала ей, напомнила, что – жить надо...

И – не заметила сама, как заснула.

...Утро наступило быстро, внезапно, словно только заснула она и тут же проснулась. Только проснулась другой, уже ожившей, как будто ночные ее решения уже начали приносить плоды.

И даже когда душ принимала, почувствовала свое тело – ожившим под струями воды и мыльной пеной, – упругим, наполняющимся силой и энергией.

И когда одевалась – ощутила такое сильное желание одеться красиво, нарядно, словно сегодня был праздник. И она надела платье, которое надевала редко – только по каким-то торжественным случаям, и мысль «Что Дашка обо всем этом подумает?» – как пришла, так и ушла. Раз дочь сама все это затеяла – вот пусть и получает теперь новую маму.

И мысль эта так ее развеселила, что она волосы распушила, не стала их заколками стягивать – как обычно делала, почувствовав себя какой-то иной, будто из прежней жизни, в которой была она радостной, свободной, – и новой, которая жить решила. И она даже контур губ аккуратно карандашом подчеркнула, что редко делала – в привычной спешке она их слегка помадой касалась. И дольше, чем обычно, ресницы красила – как когда-то в подростковом возрасте, стараясь сделать их более длинными и пушистыми.

И когда вышла она из дома такая вот – обновленная своим отношением к себе, – то подумала впервые: «Ну и что теперь? И что такого? Ну, почувствовала я свое тело живым, порадовала себя красивым платьем. Даже – макияжем. А дальше-то что?»

И не было у нее на это ответа, просто хорошо ей было идти вот такой – красивой, живой, настоящей женщиной и она даже пошла увереннее и осанку ровнее держала. И сама себе улыбнулась – так ей это нравилось. И шла, улыбаясь этому внутреннему ощущению своей живости, энергичности и сегодняшней ее женской красоте. И вдруг – заметила взгляд проходившего мимо мужчины и его улыбку – в ответ на ее, себе обращенную.

И даже не увидела, просто почувствовала, что он – подойдет сейчас и с ней заговорит.

И подумала только:

«Ну Дашка! Ну – Дашка...»

Больше – не было у нее слов, кроме разве что:

«Оля, живи!...»

Я еще обязательно, обязательно полюблю!

Полина не пришла. Прошло уже более получаса с момента их назначенной встречи, и Настя, нетерпеливо ожидающая подругу, устала уже поглядывать на дверь, в которой та никак не появлялась. Она сидела, и сердилась, и чувствовала себя здесь, в этом модном, с зеркальными витринами кафе – неудобно. Казалось ей, что она сама выставлена здесь на витрину, как эти пирожные и торты на больших тарелках, покрытых ажурными бумажными салфетками.

Для Насти, «затворницы», как называла ее Полина, уже сам факт появления в таком месте был подвигом. Развод с Павлом она пережила тяжело, и все еще переживала – и после этого она замкнулась в себе, перестала ходить куда-либо, где люди общаются, веселятся, приятно проводят время, перестала радоваться: чему радоваться – когда внутри такая боль и разочарование?! И на все попытки Полины вытащить ее куда-то, на все ее уговоры: «Сколько уже можно страдать – когда ты жить начнешь?! Сколько можно все это переживать – пережевывать? Жить надо дальше!» – отвечала сдержанно:

– Я живу. Живу как умею. И не надо меня учить, что мне делать...

Но Полина не отставала:

– Ну давай просто в кафешку сходим, вкусного чаю попьем с каким-нибудь обалденным пирожным... Составь мне компанию, а то я одна в кафе хожу, одна балдею от вкуснятины этой...

И вот сегодня наконец поддалась она уговорам подруги – и пришла в кафе. Пришла вовремя – но подругу не дождалась. И пока ждала ее, подумала уже, что, может, местом ошиблась, не так Полину поняла. Хотя та все уши ей уже прожужжала: такое кафе, такое кафе – и прямо у ее работы. Другого кафе тут не было.

И все было бы нормально, если бы она, Настя, могла по телефону Полине позвонить и узнать, что с ней приключилось, где она. Так Настя и хотела сделать, но обнаружила, что телефон ее разряжен. Получалось, что и Полина, конечно же, сейчас тоже ей звонит и дозвониться не может. И совсем уже было непонятно, что делать: уходить или ждать подругу дальше.

Чашка чая, которую она заказала в ожидании Полины, давно была выпита. Пирожное, которое она взяла на пробу, просто, чтобы взять что-то – неловко ей было вот так за пустым столом сидеть, – оказалось вкусным, тающим во рту. И она подумала: «Вот возьму сейчас еще какой-нибудь тортик, чтобы не уходить, как говорится, несолоно хлебавши, съем его и пойду. Хотя лучше всего было бы сейчас позвонить Полине, только вот откуда?»

И она зал глазами обвела в поисках телефонного аппарата. И сама себе улыбнулась: откуда он здесь возьмется? И, невольно встретившись глазами с мужчиной, сидящим поодаль, увидела, как он ей улыбнулся, словно в ответ. Улыбнулся хорошо, открыто, как знакомой.

И она ступевалась на мгновение: не ему она улыбалась, не для него, и то, что он мог как-то не так ее понять, – и смутило и рассердило одновременно.

И она лицо построже сделала. И, словно против своей воли, – на него снова посмотрела: как он отреагировал? Видит он, что не ему она улыбается, что он ей, как говорится, сто лет не нужен? И взглядом с ним опять встретилась – тоже взглядом серьезным, как будто он ей ее в зеркале показал: вот, мол, какие мы сердитые! И она, так неожиданно столкнувшись с ним, с его – кривлянием? передразниваем? – вспыхнула вдруг и расслабилась одновременно. И неожиданно для себя – развеселилась.

Что-то забавное было в этой ситуации. Что-то давно забытое – давно она ни на кого не смотрела, ни с кем не переглядывалась. Это было в той ее жизни с Павлом – ее кокетство, игривость, умение вот так, одними глазами, показать ему все: и страсть, и обожание, и интригу. Тогда она заводила его или обещала что-то уже одним только взглядом.

Давно все это ушло из ее жизни. С уходом Павла ушло. Не с кем ей было больше играть, кокетничать. Да и не хотела больше этого. Хватило ей всего – и любви, и боли. И хоть Полина и твердила ей постоянно: «Куда ты денешься, дорогая? Жизнь свое возьмет, время все лечит. У тебя этих Павлов еще сотня будет...» – Настя на эти слова губы крепче сжимала и отворачивалась: не нужен ей больше никто. Одной спокойнее. По крайней мере никто тебя не предаст и не бросит. Поэтому и жила она, одиночеством своим скованная, ничего никому не дарящая, ничего ни от кого не ждущая...

Она осторожно, словно еще обводила зал глазами в поисках чего-то, взглянула на мужчину, чтобы рассмотреть его получше.

«Симпатичный, – невольно подумала она и сама на себя рассердилась: ей зачем это надо – знать, какой он?! Ей какое дело до того – симпатичный он или нет? Все они одним миром мазаны. Все предатели и эгоисты. И всем только одно надо – женщину охмурить, а потом бросить.

И она уже хотела было встать и уйти из кафе, но вспомнила о своем желании съесть еще одно пирожное и сама себя одернула. Нет, она останется, выпьет чашку вкусного чая с обалденным, как Полина говорила, пирожным и покажет, что ей дела нет ни до кого, ни до чего.

Она подозвала официанта, сделала заказ, решив, что потом пойдет домой и уже выяснять будет, куда Полина запропастилась. Главное, чтобы ничего с ней не случилось...

И эта мысль ее вдруг испугала:

«А вдруг с ней что-то случилось? Вдруг с ней действительно что-то случилось, а она тут сидит, чай распивает?!»

И удивилась – почему только сейчас об этом подумала.

– Да потому что Полина – живая, вечно спешащая, опаздывающая, особенной организованностью никогда не отличалась.

«Но – вдруг с ней действительно какая-то беда приключилась?» – тревожно подумала Настя и опять взглядом зал обвела, словно искала, откуда, от кого позвонить. И опять – улыбку мужчины этого поймала. Улыбка была в его глазах, словно давно он наблюдал за ней, и ему понятно было ее состояние: от нетерпения – до раздражения и тревоги. И она вдруг встала из-за стола и напрямик к нему направилась, подумав только: «Нечего было на меня глазеть и лыбиться...»

И, подойдя, сказала серьезно:

– Простите, не могли бы вы мне разрешить сделать короткий звонок по вашему телефону... Я переживаю, что подруга... – и замолчала, потому что он уже телефон из кармана достал и ей протянул.

И сказав кратко: «Спасибо» – тут же номер Полины набрала. И пока шли гудки – долгие, как ей казалось, – чувствовала, что смотрит он на нее.

– Алло! – раздался голос Полины и Настя, обрадовавшись, закричала:

– Господи! Ты где, Полина?

И когда Полина, узнав голос подруги, тоже закричала: «Я тебе звоню, звоню...» – оборвала ее: – Короче, я с чужого телефона звоню... С тобой все нормально?

– Да нормально, я просто вырваться не смогла...

– Ладно, вечером созвонимся, расскажешь, – сердито буркнула Настя и на кнопку нажала. И телефон протянула, сказав:

– Спасибо вам огромное.

И замялась:

– Я вам, может, денег должна?

Мужчина, все так же внимательно, с усмешкой в глазах, следящий за ней, только головой отрицательно покачал и спросил – как ей показалось, участливо:

– С вашей подругой все нормально?

– Да, нормально, спасибо, – сказала она и добавила, чувствуя, что он ждет каких-то ее слов: – Я волноваться начала...

– Я видел, как вы волнуетесь, – сказал он с улыбкой.

– Что, это было так заметно? – спросила Настя, словно ее застали врасплох. Спросила скорее с раздражением, чем с интересом – чего это он вообще к ней прицепился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.